...ийский Совет Рабочей Кооперации.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Б. И. ГОРЕВ.

М. А. БАКУНИН.

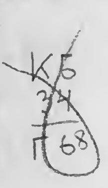
ЕГО ЖИЗНЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УЧЕНИЕ.

Цена 6 руб.

МОСКВА. 1919

Всероссийский Совет Рабочей Кооперации.

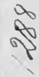
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

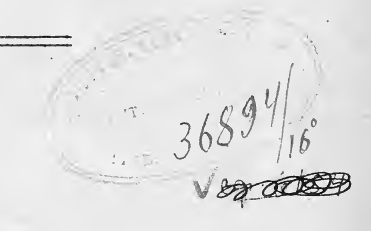

Б. И. ГОРЕВ.

М. А. БАКУНИН.

ЕГО ЖИЗНЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и УЧЕНИЕ.

МОСКВА.—1919.

Типографія М. И.
Смирнова
Москва, Ваганьковскій 5

Предисловие.

Больше 40 лет минуло со дня смерти Бакунина, этой яркой и сильной фигуры, этого русского дворянина, воспитанного трудом крепостных и ставшего родоначальником боевого, практического анархизма, «апостолом всемирного разрушения», пугалом всей международной буржуазии.

Его идеи и деятельность сыграли большую роль в развитии революционного движения Европы и России, и влияние их сказывается до сих пор.

С тем большим вниманием и интересом должны все сознательные русские рабочие отнестись к изучению этого оригинальнейшего продукта русской жизни, современника и участника целой полосы в развитии русской интеллигенции 30-х и 40-х годов, друга Белинского, Тургенева и Герцена, активного деятеля европейских революций 48-го г., учителя русских революционеров 70-х годов. Кипучая жизнь Бакунина, вся без остатка отданная на служение обществу и народным массам,—это целая эпоха в истории России и Европы, и его биография вводит нас в самую гущу этой истории. Было время—и еще совсем недавно, вплоть почти до 90-х годов прошлого столетия,—когда самое имя Бакунина нельзя было упоминать в русской литературе,—так оно было ненавистно и страшно самодержавию. Революция не только сняла все преграды в этом отношении, она не только сделала доступными сочинения Бакунина, но она снова бросила в водоворот событий многие его идеи.

И поэтому давно пора русским рабочим познакомиться с личностью и деятельностью Бакунина, увидеть его во весь рост, со всеми его крупными достоинствами и недостатками, в связи с характеристикой его учения, той эпохи, в которой он жил, и среды, которая его окружала.

I.

Жизнь Бакунина до отъезда за границу.

Михаил Александрович Бакунин родился 18-го мая 1814 г. в селе Премухине, Новоторжского уезда, Тверской губ., принадлежавшем его отцу. Родители Бакунина происходили из старинных дворянских родов и были в родстве со многими известными деятелями того времени. Отец Михаила Александровича, А. М. Бакунин, был образованным человеком, воспитанным на французских писателях XVIII века. Но он был за границей во время великой французской революции, и она произвела на него такое отталкивающее впечатление, что он на всю жизнь сделался врагом революционных идей, хотя был в родстве и дружбе со многими декабристами, пытавшимися устроить восстание при вступлении на престол Николая I. Тем не менее он был человеком гуманным и своих крепостных крестьян не очень притеснял.

Это несомненно отразилось и на детях его, которые никогда, во время своей молодости, как видно из оставшейся после них обширной переписки, не волновались по поводу крепостного права, по поводу того, что они живут на счет крепостных крестьян: очевидно, положение их крестьян не бросалось им резко в глаза, не нарушало их умственных интересов, их душевных запросов.

У Михаила Бакунина, или *Мишеля*, как звали его родные и друзья, были четыре сестры, почти погодки, и пять младших братьев. Это огромное «дворянское гнездо» воспитывалось в дружной и любовной атмосфере. Дети нежно любили друг друга, любили и уважали отца, который наставлял их в религии и в преданности царю. Не было никаких признаков в детстве Бакунина и во всем строе их патриархальной семьи, что из этой семьи выйдет будущий великий революционер, потрясатель всех основ буржуазного общества. Зато на всей семье, особенно на самом Мишеле и сестрах его, лежала печать особой талантливости и одухотворенности. Сестры Бакунины производили чарующее впечатление на всех знавших их, в том числе на таких людей, как знаменитый русский писатель Белинский, этот «властитель дум» целого ряда поколений русской интеллигенции. Они несомненно послужили образцами для лучших типов девушек в русской литературе, особенно в романах Тургенева. «Дворянское гнездо» в Премухине привлекало всех своей духовной красотой, особым изяществом и облагороженностью жизни и теми высокими умственными интересами, какими жила молодежь этого «гнезда».

В 1828 г., четырнадцати лет от роду, Мишель был увезен учиться в Петербург, в юнкерское артиллерийское училище. Из уютного родительского дома он сразу попал в обычную атмосферу военных закрытых заведений того времени, с их бездушным формализмом, который лишь приучал детей ко лжи и лицемерию. Вот как сам Бакунин описывает в одном из своих писем влияние школьной обстановки: «Здесь начинается новая эра моей жизни. До сих пор душа и воображение мои были чисты и девственны, они ничем еще не были замараны; в артиллерийском же училище я вдруг узнал всю черную, грязную и мерзкую сторону жизни

И если даже я не впал в пороки, которых я был частый свидетель, то, по крайней мере, привык к ним до такой степени, что они не только не приводили меня в омерзение, но даже не удивляли меня. Сам же я привык лгать, потому что искусная ложь в нашем юнкерском обществе не только не считалась пороком, но единогласно одобрялась... В это время один из юнкеров заставил меня сделать два векселя, я сам сделал несколько долгов».

Впрочем, школа все же дала молодому Бакунину и кой-какие знания: знакомство с математикой, литературой и ту легкость обращения с французским языком, благодаря которой Бакунин впоследствии писал по-французски так же, если не более свободно, чем по-русски. Но главной задачей юнкерского училища было укрепление в дворянских сынках казенного патриотизма и верноподданнического духа, и в этом отношении Мишель ничем не отличался от остальных. В одном из писем семнадцатилетний Бакунин пишет по поводу известного стихотворения Пушкина «Клеветникам России»: «Но нет! русские—не французы, они любят свое отечество и обожают своего государя, его воля для них—закон, и между ними не найдется ни одного, который поколебался бы пожертвовать самыми дорогими своими интересами и даже жизнью для его блага и для блага родины».

Окончив артиллерийское училище и будучи произведен в офицеры на 19-м году, Мишель сразу почувствовал себя человеком, вырос в собственных глазах. А первый роман, который он пережил в это время, полудетская любовь к молодой девушке Марии Воейковой имела на него благотворное влияние, встряхнула его, облагородила и просветлила его душу.

Наслаждаясь свободой, Мишель пользуется ею не только для так называемых «светских удовольствий»: он много времени посвящает своему умственному

развитию и уже спустя год по выходе из училища сообщает в письме к сестрам о пережитой им «интеллектуальной революции», т.-е. о глубоком переломе в его взглядах на жизнь. Он много читает и думает, и письма его начинают носить тот философский характер, который так отличал его переписку впоследствии. Очень серьезные люди, даже старики, как Н. Н. Муравьев (отец будущего генерал-губернатора Восточной Сибири, при котором М. А. Бакунин был в ссылке), относятся к двадцатилетнему Мишелю с уважением.

В это же время в семье Бакуниных начинаются портиться отношения с отцом, происходит первый «семейный бунт». При всей гуманности и просвещенности старика Бакунина, при всей мягкости его отношений к детям, он все же пытается навязать им свою волю и хочет выдать замуж старшую дочь против ее желания. Это вызывает решительный и бурный протест со стороны Мишеля. Он одерживает победу над отцом. И этот эпизод является лишь началом дальнейших многочисленных столкновений отца с сыном, в которых Мишель восстановлял сестер против отца. Да и в других отношениях, и прежде всего в своей служебной карьере, молодой Бакунин не долго радовал родительское сердце. Уже в начале 1834 г., через год после производства в офицеры, с ним произошла служебная «неприятность». Он как-то вышел на улицу, одетый не по-форме, и встретился с начальником училища, генералом Сухозанетом, который грубо крикнул на него: «уж если надел ливрею, то носи ее, как полагается». Оскорбленный Бакунин ответил, что он ливреи не носит и носить не собирается. За такую «дерзость» его перевели на службу в одно из глухих местечек Западного края, в армейскую артиллерийскую бригаду. Там, кочуя вместе со своей бригадой, он побывал и в Минской, и в Гродненской губернии, и в Вильне.

Это было время вскоре после жестокого усмирения польского восстания 1831 г., когда и в Западном крае чиновники Николая I искореняли всякие следы «крамолы» и польского влияния. Как отнесся к этому режиму террора и деспотизма молодой Бакунин, из писем его не видно. Но впоследствии он рассказывал одному из своих братьев, что гродненский губернатор М. Н. Муравьев, его двоюродный дядя, пытался внушить ему ненависть и презрение к полякам. А друг и биограф Бакунина и издатель его сочинений, известный швейцарский анархист Гильом рассказывает даже, будто именно во время пребывания Бакунина в Западном крае он впервые проникся той ненавистью к деспотизму, которая так характерна была для него впоследствии. К этому, впрочем, следует отнестись с большим сомнением, так как, судя по письмам Бакунина того времени и еще значительно позднейшим, его политические взгляды, вынесенные им из школы, мало изменились под влиянием впечатлений службы в Западном крае.

Но несомненно, что обстановка, окружавшая тогда Бакунина, не только не внушила ему ненависти и презрения к полякам, как этого хотел его чиновный дядюшка, а положила начало тем польским симпатиям Бакунина, которые с такой силой проявились в конце 40-х и в начале 60-х годов. Среди занятий, которым он посвящал время в своей ссылке в Западном крае, было и изучение польского языка.

А занимался тогда молодой Бакунин много, хотя и беспорядочно. Не удовлетворенный обществом товарищей, стоявших гораздо ниже его по своему умственному развитию и занимавшихся пьянством и картами, скучая от безделья, так как служба отнимала у него очень мало времени, он набросился на книги. Изучал немецкий и польский языки, математику и физику, исторические и статистические сочинения, попадав-

шиеся под руку, а также французских и немецких философов. Но все это не могло удовлетворить Мишеля и заглушить его тоску по дому и по интеллигентном обществе. В начале 1835 г., добившись командировки в Тверь, он приехал домой, подал заявление о болезни и решил больше на службу не возвращаться. Это вызвало большое огорчение и неудовольствие отца Бакунина. Когда М. А. получил, наконец, желанную отставку, отец всячески уговаривал его поступить хотя бы на гражданскую службу, что, при его связях в чиновном мире, было очень легко. М. А., уступая настойчивым просьбам отца, дал было свое согласие, но слова своего не сдержал. Он уже увлечен был в это время так сильно высшими умственными интересами и особенно вопросами философии, что решил никакой службы не брать, а заняться специально научной и философской деятельностью и готовиться к званию профессора, для чего тогда же поставил себе целью добиться во что бы то ни стало поездки за границу. К великой досаде отца и огорчению сестер, которых он не предупредил, Бакунин в самом начале 1836 г. тайно уехал в Москву и оттуда написал отцу, что ни в какой помощи не нуждается, так как думает зарабатывать средства к жизни «математическими уроками».

Этот решительный шаг был им сделан в значительной мере под влиянием знакомства с так называемым *«кружком Станкевича»*.

Кружок Станкевича сыграл огромную роль в развитии и выработке русской интеллигенции 30-х и 40-х годов прошлого века. Вместе с другим кружком молодых людей, группировавшихся вокруг *Герцена* и *Огарева*, тоже будущих друзей Бакунина, основателей первой «вольной русской типографии» в Лондоне, издателей знаменитого «Колокола»,—кружок Станкевича объединял в себе все, что было лучшего, честного и мыслящего среди московской интеллигентной молодежи.

Сам Станкевич, рано умерший от чахотки юноша (он умер в 1840 г. за границей, куда уехал еще в 1837 г.), обладал необычайным даром привлекать к себе талантливых людей, спаивать их общей идейной жизнью, толкать их к умственной работе, к дальнейшему развитию. Глубоко образованный, особенно в области литературы, искусства и германской философии, он сам не оставил после себя сколько-нибудь серьезного литературного наследства. Но он умел благотворно влиять на окружающих, вызывая в них наружу все, что они могли дать лучшего. Больше всего влиял он на них в *нравственном* отношении. Чистая и чуткая натура, враждебная всякой лжи, всякому лицемерию и рисовке, Станкевич вносил в окружающую его среду молодежи особенно облагораживающую струю искренности, «честности с самими собой».

Россия Николая I переживала тогда период самой мрачной реакции. Жестокое подавление движения декабристов в 1825—26 г.г., а потом усмирение польского восстания заставили самодержавное правительство бояться самых невинных либеральных выступлений, самой умеренной и робкой критики существовавших порядков. Отсутствие политической жизни толкало пытливую мысль лучшей части интеллигентной молодежи к отвлеченным вопросам философии и нравственности, в которые меньше вмешивалась бдительная полицейская цензура. Литературная критика и вопросы философии были теми областями умственной жизни, которые привлекали внимание и интерес передовых кружков 30-х годов, особенно кружка Станкевича.

Если в кружке Герцена и Огарева еще интересовались политической жизнью Франции и учениями французских утопических социалистов (за что члены этого кружка и были арестованы и отправлены в ссылку), то из кружка Станкевича политика была изгнана совер-

шенно. Вопросы о боге, о сущности мира, о смысле, значении и цели человеческой жизни,—вот что волновало членов этого кружка, вызывало среди них страстные споры, затягивавшиеся до утра, способно было ссорить между собою лучших друзей. В этой отвлеченной философской атмосфере, питавшейся, главным образом, германской философией конца XVIII-го и начала XIX-го века, билась мысль интеллигентной, по преимуществу дворянской молодежи, пытаясь уйти от неприглядной российской действительности в призрачный мир идей и туманных понятий.

В кружок Станкевича входили такие светила русской литературы, как знаменитый критик Белинский, кипучая и страстная натура, пламенный поборник истины, который при других условиях стал бы вождем политической партии, и поэт из народа Кольцов, и будущий историк Грановский, лучший представитель нарождавшегося русского либерализма, и тонкий знаток искусства купеческий сын Боткин, и Катков, впоследствии талантливый вождь злейших реакционеров. К этому кружку примкнул и молодой Бакунин, который очень скоро занял в нем выдающееся положение, а после отъезда Станкевича заграницу стал играть даже руководящую роль.

И это не было случайностью. Уже до знакомства со Станкевичем Бакунин успел много передумать и перечувствовать, стремился выработать себе понятие о мире и жизни на основании прочитанного и ощущал в себе такой избыток сил и способностей, что верил в свое высокое назначение. Вот что писал он в мае 1835 г. одной приятельнице: «Я человек обстоятельств, и рука Божия начертала в моем сердце эти священные слова, которые обнимают все мое существование: *«он не будет жить для себя!»* Я хочу осуществить это прекрасное будущее, я сделаюсь достойным его! Быть в состоянии всем пожертвовать для этой священ-

ной цели—вот мое единственное честолюбие!» И дальше: «А каковы же главные идеи жизни? Это—любовь к людям, к человечеству и стремление ко Всему, к совершенствованию. И эти три идеи суть лишь различные выражения одной творческой, вечной, нетленной Идеи—Бога... Что же такое человечество? Бог, вложенный в материю. Жизнь его—стремление к свободе, к соединению со всем; выражение его жизни—любовь, этот основной элемент Предвечного».

На почве этих общих им исканий и философских стремлений и произошло сближение Бакунина со Станкевичем, с которым М. А. познакомился еще весной 1835 г., когда приехал из деревни погостить в Москву. Станкевич потом сам приехал в Премухино, подружился со всей семьей Бакуниных и даже влюбился в старшую из сестер Любовь Александровну.

По совету Станкевича Бакунин принялся, в целях выработки себе стройного и ясного миросозерцания, т.-е. определенных взглядов на мир и жизнь,—за изучение *германской идеалистической философии*, т.-е., главным образом, сочинений великих мыслителей *Канта, Фихте* и *Гегеля*.

Идеалистическая философия, или *идеализм* предполагает самостоятельное существование идей и противополагается *материализму*. В то время, как для материализма самые идеи или понятия являются лишь отражением в нашем мозгу внешнего, материального мира, для идеалиста этот внешний мир—мир призрачный, мир кажущийся. Подлинно действительным, реальным является мир идей, которые ведут самостоятельное существование, развиваются по собственным законам. Таковы идеи добра, любви, бога. Кант доказывал, что подлинная сущность мира, сущность всех вещей, или «вещь в себе» нам недоступна, что мы видим в мире лишь то, что наша душа сама в него вкладывает; что только голос нашей совести, тот «прав-

ственный закон», который велит нам отличать добро от зла, соединяет нас, нашу бессмертную душу невидимыми нитями с богом, этим источником истины, справедливости и добра. Ученик Канта—Фихте пошел еще дальше. Он заявил, что весь мир—это лишь кажущееся явление, что в действительности существует лишь мое «*Я*», лишь внутренний мир каждого человека, с его нравственными законами; и что стремление к счастью, к блаженству, которое и составляет весь смысл жизни, должно заключаться не в погоне за пустыми внешними предметами, а в познании того вечного и неизменного «*Я*», той мировой души, которая называется богом.

Наконец, по Гегелю, сущность мира, всей природы и человеческой истории и жизни—это саморазвивающаяся идея. Ее развитие совершается *диалектически*, т.-е. путем противоречий. Каждая идея, развиваясь, порождает собственную противоположность, свое собственное отрицание, которое, в свою очередь, путем дальнейшего развития и новой противоположности, приводит к первоначальной идее, но лишь расширенной, обогащенной новым содержанием. Та вечная борьба противоречий, которую мы наблюдаем во внешнем мире, в природе и в жизни человеческого общества, есть, по Гегелю, отражение и выражение этого развития идеи.

Из учения Гегеля делались разные выводы,—и реакционные и революционные. Оно послужило первоначальной основой будущего учения Маркса, который, выбросив из него идеалистическое содержание, оставил лишь *диалектическую форму*, форму развития путем борьбы противоречий, соединил эту форму с материалистическим пониманием мира и истории человечества и, таким образом, по собственному выражению, поставил это «опрокинутое» головой вниз мировоззрение—снова на ноги, на твердую почву реальной действительности. В умелых руках Маркса философия

Гегеля стала «алгеброй революции», как метко окрестил ее Герцен, то есть формулой вечной борьбы, вечного развития и прогресса.

Вообще же германская идеалистическая философия начала XIX-го в. явилась реакцией, ответом на материализм революционной французской буржуазной интеллигенции XVIII-го века. В борьбе с господством духовенства французские материалисты стали отрицать существование бога и «бессмертной» души человеческой. Они признавали лишь материальный мир, лишь природу и ее законы и самую мысль человеческую считали продуктом материальной природы, продуктом мозга и нервов. Испуганная «грубостью» и «жестокостями» французской революции, буржуазная интеллигенция Германии приписывала эти «эксцессы» материализму французских философов, которые, дескать, не уважали ничего «святого». Поэтому германские философы вступились за права человеческого «духа», за попранные материалистами «идеи» и, в противоположность им, провозгласили первенство «идей» и «духа» над грубой и косной материей. С этой точки зрения все недостатки и несовершенства нашего мира приписывались именно его материальности. Целью человечества объявлено было господство чистой идеи, борьба за высший нравственный идеал; а для успокоения встревоженной совести весь наш грешный мир объявлялся или вовсе не существующим, простым призраком, продуктом нашего воображения, или же плохим, искаженным отражением вечного и справедливого мира идей.

Но при всей научной реакционности этой философии, она все же требовала свободы развития человеческого духа и своими высокими нравственными идеалами, хотя бы и очень туманными и отдаленными, все же, как говорится, мозолила глаза самодержавному полицейскому государству и в Германии и осо-

бенно в Николаевской России. Она говорила о правде, свободе и справедливости в царстве сплошной лжи, в царстве рабства, нищеты и гнета одних, произвола и пресыщения богатством других. Поэтому власти предержащие смотрели и на идеалистическую философию подозрительно, как на опасное умствование, способное соблазнить кой-кого из «малых сих». Поэтому же, наоборот, передовая и наиболее образованная молодежь того времени даже в этой отвлеченной, оторванной от жизни философии находила ответы на волновавшее ее смутное недовольство окружающей жизнью, находила также и более или менее безопасный способ выразить это недовольство.

Подобно тому, как религиозные вопросы и религиозные споры занимали такое огромное место в социальной и политической борьбе Зап. Европы XVI и XVII вв. (реформация и восстание крестьян в Германии, революция в Голландии и Англии), так вопросы философские играли выдающуюся роль в политической и социальной борьбе XVIII и XIX вв. Как религия в одном случае, так философия в другом были теми *идейными формами*, той *оболочкой*, за которой, часто без ведома самих участников борьбы, скрывалось реальное политическое и социальное содержание, реальная *борьба классов*. В философских спорах нашей передовой молодежи 30-х и 40-х годов вырабатывалась, дифференцировалась, т.-е. расслаивалась будущая либеральная и радикальная, т.-е. революционная интеллигенция, ибо философия была тогда единственно доступной ей формой мысли и публичного обсуждения (а тайно, как мы уже видели, часть интеллигенции увлекалась идеями французских утопических социалистов).

За германскую философию и засел с большим усердием Бакунин после своего вступления в кружок Станкевича. Вследствие туманности своего изложения

она давалась ему сперва с большим трудом; ему помогал своими советами и объяснениями Станкевич. Он много раз начинал и бросал читать то Канта, то Фихте, то Гегеля. Последовательно увлекался то одним, то другим. Но постепенно он настолько овладел этой философией, особенно наиболее трудной для понимания философией Гегеля, что после отъезда Станкевича сделался в кружке общепризнанным ее истолкователем, подробно познакомил с нею Белинского, не знавшего немецкого языка, и проповедывал ее в бесчисленных письмах и разговорах всем своим знакомым. Впоследствии Герцен, вспоминая об этой эпохе и даже о первых годах пребывания Бакунина за границей, писал со свойственной ему добродушной иронией: «Бакунин, по Канту и Фихте, выучился по немецки и потом принялся за Гегеля, которого методу и логику он усвоил в совершенстве. И кому не проповедывал он ее потом? Нам и Белинскому, дамам и Прудону».

Таким образом, в значительной мере благодаря Бакунину, философия Гегеля имела большое значение в развитии нашей интеллигенции, так как Белинский, на которого Бакунин имел большое влияние в первые годы их знакомства, развивал ее в своих журнальных статьях, прилагая ее к истории, литературе и искусству. Особенно много толков, споров и даже расколов и ссор в среде передовой интеллигенции как в самой Германии, так и в России вызвала знаменитая формула Гегеля, широко распространенная Бакуниным: «*что действительно, то разумно, и что разумно, то действительно*». С точки зрения гегелевского идеализма это означало следующее. Не все, что существует, действительно. Многое из существующего имеет призрачный, преходящий, случайный характер и не может быть поэтому оправдано разумом. На самом деле действительно лишь то, что имеет право на прочное

существование, что вытекает из правильно понятой идеи мира и жизни, что, следовательно, одновременно, с философской точки зрения, является и «разумным», т.-е. обоснованным, целесообразным, занимающим надлежащее место в общей системе мироздания. Наоборот, все, что разумно, т.-е. все, что разум считает нужным, полезным и целесообразным в этой системе, является по настоящему и «действительным»; и хотя бы в нашем призрачном, несовершенном мире оно и не существовало, оно *должно* существовать, как «разумное», как воплощение идеи, которая одна лишь является истинно реальной.

Но двусмысленное построение этой формулы сделало то, что ее одни поняли, как оправдание всякой действительности, следовательно, всякого зла в мире, а другие, напротив, истолковали, как формулу революционной борьбы за идеал, за то, чтоб «разумное» стало не только в идее, но и в жизни «действительным». Первое толкование приняли так называемые «правые гегельянцы» в Германии, считавшие эту формулу возвеличением реакционного прусского государства (чему содействовал своими лекциями в последние годы жизни и сам Гегель). За второе толкование ухватились представители оппозиционного и даже революционного крыла германской интеллигенции, так называемые «левые гегельянцы», из среды которых вышел Карл Маркс и к которым примкнул потом за границей и сам Бакунин.

Но когда он во второй половине 30-х годов с жаром проповедывал эту формулу в России, ее поняли и он и его друзья, особенно Белинский, как философское «примирение с действительностью», «маленькие недостатки механизма» которой не заслуживают внимания по сравнению с высшей философской правдой этой действительности, ее философской «разумностью».

На почве тех или иных оттенков в понимании этой гегелевской формулы происходили жестокие споры и даже ссоры между Бакуниным и Белинским. А когда зимой 1839—40 г.г. вернулись из ссылки в Москву основатели другого кружка интеллигенции, Герцен и Огарев, настроенные резко враждебно по отношению к тогдашним политическим и социальным порядкам, особенно к крепостному праву, их возмутило то «примирение с действительностью», которое проповедывали Бакунин и Белинский. Несмотря на завязавшуюся между ними дружбу, несмотря на то, что они очень скоро перешли на *ты*, между их взглядами на жизнь и, следовательно, на историю и литературу—образовалась целая пропасть.

Эта пропасть исчезла лишь тогда, когда Белинский переехал в Петербург, а Бакунин уехал за границу, где они оба очень скоро стряхнули с себя это гегелевское философское «навождение» и примкнули к самым левым политическим и социальным течениям тогдашней Европы.

Как жил Бакунин в эти годы напряженной умственной работы, годы философских увлечений и выработки миросозерцания? Как складывался его характер? Каковы были его политические взгляды?

На все эти вопросы дает ответ обширная переписка между Михаилом Бакуниным, его родными и друзьями, сохранившаяся в семейном архиве Бакуниных и опубликованная А. Корниловым в его книге «Молодые годы Бакунина».

Уезжая в Москву в начале 1836 г., М. А. гордо написал отцу, что в его субсидии не нуждается, так как будет жить собственным трудом, «математическими уроками». Отец отнесся к этому с сомнением и оказался прав. Правда, М. А. получил было несколько уроков, но при его безалаберной и неряшливой жизни этого

заработка ему не могло хватать. Впрочем, и к этим урокам он относился небрежно и часто пропускал их ради интересного разговора или спора. Пробовал он обратиться и к литературному труду. Но и здесь проявил столь же мало настойчивости; и здесь самые радужные планы его быстро разбивались о его собственное непостоянство, легкомыслие и беспечность. Белинский настойчиво приглашал его сотрудничать в редактируемых им журналах. Но кроме нескольких переводов из Фихте и одной-двух самостоятельных статей, Бакунин ничего не напечатал. Попечитель Московского Учебного Округа граф Строганов предложил М. А. перевести с немецкого учебник всеобщей истории. Бакунин с радостью согласился, расчитывая получить за перевод столько денег, что их хватит даже на поездку за границу, о которой он мечтал непрерывно. Но—увы—он за эту работу и не принимался вовсе; а спустя год, когда Строганов стал с нетерпением спрашивать о судьбе книги, Бакунин роздал ее по частям переводить своим друзьям, сестрам и даже младшим братьям, а сам уехал в деревню изучать Гегеля. В результате ему фактически приходилось жить, главным образом, на средства отца и друзей, у которых он постоянно занимал деньги без отдачи.

Таким образом, главный недостаток Бакунина, который так повредил ему в жизни и который, как мы увидим, послужил даже одним из поводов исключения его из Интернационала, а именно неуменье настойчиво и систематически работать, отсутствие чувства ответственности за взятые на себя обязательства и крайняя неряшливость в денежных делах, доходящая даже до отсутствия чувства собственного достоинства,—все это ярко проявилось у Бакунина и в эти ранние годы его жизни.

К этому присоединялось еще властолюбие, нетерпимость к чужим мнениям и податливость на лесть,

в которых обвинял его в своих письмах отец, а также неделикатность по отношению к близким друзьям, за которую горько упрекал его Белинский. Мы уже видели, какого высокого мнения был Бакунин о себе и своем назначении в жизни. Но, кроме того, он считал себя вправе непрерывно вмешиваться в отношения между отцом и сестрами, в интимную жизнь сестер и даже в личную жизнь своих друзей, применяя ко всему этому выводы фихтевской или гегелевской философии. Отсюда—ряд ссор с отцом и друзьями, ссор, из-за которых Бакунина его друзья сочли за человека несносного характера.

Но при всех этих крупных и серьезных недостатках уже тогда в характере Бакунина проявилось нечто, что заставляло сестер обожать его, а друзей забывать и прощать все его грехи. Прежде всего, значительная часть его дурных поступков, которые легко было приписать прямой недобросовестности, объяснялись чисто детской легкомысленностью в практических делах, которая отличала Бакунина до самой его смерти. Он уже тогда был той *«большой Лизой»*, какой под старость называл его Герцен. А затем его легкое отношение к деньгам, своим и чужим, окупалось его глубоким бескорыстием. Он легко занимал, но он так же легко отдавал.

Вот что писал об этой черте Бакунина Белинский в одном из писем к нему осенью 1838 г.

«Ты, Мишель, составил себе громкую известность попрошайки и человека, живущего на чужой счет. В самом деле, ты много перебрал и перепросил денег. Но я,—разве я меньше тебя делал того и другого? Думаю, что решительно больше... И что же, на меня никто не смотрит, как на попрошайку, как на человека, живущего на чужой счет,—никто: даже те, на чей счет я действительно живу. А на тебя это обвинение пало, как проклятие,—даже со стороны твоих друзей.

Отчего это? Тут есть две причины. Первая—ты просишь и берешь легко и легкомысленно; все видят, каких мучений стоит *мне* это и какую важность придаю я всякому гривеннику, который беру у других. Вторая—я тружусь и тружусь, как вол, с самоотвержением, с презрением собственных выгод, а между тем бедствую совсем незаслуженно — это всем известно. ... Ты, напротив, палец о палец не ударил для снискания себе денег, твои труды неизвестны обществу,—ты о них только трубил и провозглашал. Но я понимаю твое легкомыслие и легкость в попрошайстве—их источник твое *идеальное прекраснодушие.* Для тебя спросить у другого «нет ли у тебя денег?»—все равно, что спросить «нет ли у тебя щепок?» и ты берешь деньги, как щепки; но зато ты и отдаешь их, как щепки. Я не помню, чтобы когда-нибудь, имея в кармане десять рублей, ты не готов был мне отдать пяти, а если я представлял *крайнюю* нужду, то и всех, за исключением полтины на четверку табаку и двугривенного на извозчика... Этого мало: имея деньги, ты и не дожидался, чтоб я у тебя попросил, а спрашивал: «Висяша *), не нужно ли тебе денег?». И ты давал и те, которые брал у других, и те, которые получал с уроков».

Кроме этого бескорыстия, в Бакунине подкупала страстность его убеждений, его постоянное горение, его пыл агитатора и пропагандиста. Этим пылом уже тогда, как и много лет спустя, он заражал окружающих и имел на них огромное влияние.

В том же письме, в котором он писал о деньгах, Белинский так объяснял, что ему понравилось в Бакунине при первом знакомстве: «меня пленило кипение жизни, беспокойный дух, живое стремление к истине, отчасти и идеальное твое положение к твоему семей-

---

*) Белинского звали Виссарионом.

ству, и ты был для меня явлением интересным и прекрасным».—«Широкая, полетистая, в высшей степени благородная и крепкая натура»,—писал о Бакунине в начале 1840 г. Грановский, который тогда сильно расходился с ним в убеждениях. Наконец, уже в 1842 г., когда Бакунин был за границей, Белинский, расставшийся с ним в ссоре, писал о нем: «Мишель во многом виноват и грешен; но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки—это *вечно движущее начало, лежащее в глубине его духа*».

Что касается убеждений Бакунина в эти годы и взглядов его на окружающую жизнь, то они отличались большой односторонностью и отвлечённостью. Увлекшись философией Гегеля, он ничего больше не видел, готов был делать из нее самые крайние выводы, вплоть до проповеди (в одной статье) «примирения с прекрасной русской действительностью». Но это были слова, а *настоящая* русская действительность его, повидимому, очень мало интересовала. Ни в одном из его многочисленных писем нет ни слова, ни намека о крепостном праве, этом проклятии тогдашней России, с которым в ранней юности поклялись бороться Герцен, Огарев и Тургенев, которому посвятил Белинский свою юношескую драму. Мало того. Еще в 1839 г., за год до отъезда за границу он проявляет тот же «верноподданнический» дух, с каким вышел из юнкерского училища. В письме к приятельнице он в следующих словах характеризует своего младшего брата—офицера: «Николай—славный человек; он не заражен нашею общею русскою ленью и бездеятельностью, и с другой стороны не загрязнен также *пошлым французским* романтизмом и *либерализмом*. Он *весь предан Царю и Отечеству*,—он истинный русский,—и, верно, пойдет далеко,—в нем верный и крепкий практический ум».

Если в чем и проявлялся в эти годы «бунтовской дух» будущего основателя анархизма, проявлялся практически, а не в области чистой и отвлеченной теории, с точки зрения которой весь наш мир с его страданиями, горем и борьбой казался незаслуживающей внимания «пошлостью»,—так это в отношениях Бакунина к семье и семейным обязанностям. Вот что писал он одной из сестер вскоре после своего «побега» из дому в Москву в 1836 г.: «С моей точки зрения нет родителей, я отрицаю своих, я не нуждаюсь в их любви, я не пойду выпрашивать их любовь ценою унижения моего достоинства, я всегда назову низким то, что низко, презренным то, что презренно; я не признаю за ними никакого права на меня и я отнюдь не нахожу себя обязанным валяться у них в ногах, чтобы выпросить у них позволение быть человеком; я *уже* человек, потому что хочу им быть, потому что я призван им быть. У меня нет другой цели, как быть человеком, и я разбиваю все, что мешает мне итти к ней. Да будут прокляты все эти условия, выкованные унижением человека... Нужно разбивать все фальшивое без жалости и без исключения, чтобы истина торжествовала, и она восторжествует».

Но—увы—и эти гордые и смелые слова остались в значительной мере лишь фразой. Мы видели, что, при всей искренности Бакунина, слабость воли не позволила ему остаться на этой гордой позиции, и он не раз потом писал отцу дипломатические письма и пользовался его помощью, по целым месяцам жил у него в Премухине. К отцу же он обратился с почтительным и длинным письмом, с просьбой о деньгах для поездки за границу, когда убедился, что из всех его планов добыть эти деньги собственным трудом ничего не выйдет. А за границу, особенно в Берлин, в этот священный для него город германской философии, Бакунин стремился всей душой. Он чувствовал,

что дремавшим в нем силам и способностям слишком тесно среди той «прекрасной русской действительности», с которой он советовал примириться. Он жаждал знаний, но, может быть, бессознательно еще для самого себя, особенно под влиянием знакомства с оппозиционно настроенным Герценом, жаждал и большего *политического простора*, более свободной политической обстановки. Он понимал, что, оставаясь в России, он рискует на всю жизнь сделаться салонным философом, пустым, никому не нужным говоруном, и его нестерпимо тянуло за границу. Он уговаривал отца, что едет учиться, соблазнял его своей будущей профессорской деятельностью. Но умудренный горьким опытом старик Бакунин колебался дать Мишелю просимые 5—6 тысяч рублей, да и в средствах он сам был стеснен.

Тогда М. А. обратился с просьбой о деньгах к своему новому богатому другу Герцену и получил согласие.

Правда, нерадостен был его отъезд из Петербурга за границу летом 1840 г. Почти со всеми своими друзьями, в том числе с Белинским, он был в это время в ссоре. Перед самым отъездом у него произошла на личной почве безобразная сцена с одним из старинных членов кружка Станкевича—Катковым, ссора, перешедшая в драку. Когда он уезжал, его провожал один лишь Герцен. Но тяжелое чувство такого разрыва с прежними друзьями заглушалось у Бакунина радостным волнением по поводу предстоявших ему новых впечатлений, по поводу ожидания встречи с той Европой, которая была его духовной родиной и в интересы которой ему предстояло уйти с головой.

А юношеская драка с Катковым, хотя она и произошла на почве личных счетов и хотя они потом в Берлине снова на короткое время примирились, была все же знаменательным символом. Это было первое не только идейное, но и *физическое* столкновение двух полюсов, двух противоположных начал: будущего вождя дво-

рянской реакции, советника русских царей—с вождем всемирной и русской революции, родоначальником анархизма, кумиром и вдохновителем целого поколения русских революционеров...

II.

Первая эмиграция, тюрьма и ссылка.

Приехав в Берлин, Бакунин застал там молодого Тургенева, с которым и поселился вместе. Он поступил в Берлинский университет, где с усердием стал изучать философию. Вместе с тем он с жадностью набросился на изучение европейской жизни вообще, на чтение газет,—словом, на все, чего его деятельной, кипучей натуре недоставало на родине. Впрочем, первое время пребывания в Берлине Бакунин еще оставался в прежнем идеалистическом настроении, верил в бога и бессмертие души и в политических вопросах не проявлял особой революционности. По свидетельству одного его товарища по университету, некоего прибалтийского барона, который в своих позднейших воспоминаниях описывал студенческую жизнь Тургенева и Бакунина, «даже сам Бакунин, заходивший в своих желаниях гораздо дальше Тургенева, *смотрел на освобождение крестьян, как на дело далекого будущего*».

Но постепенно, и довольно быстро, под влиянием той политической атмосферы, в которой находилась тогда и Германия и вся Европа, взгляды Бакунина, и философские и общественные, начали резко меняться.

В Пруссии тогда только что, со смертью самодержавного короля Фридриха-Вильгельма III, закончилась эпоха самой глухой реакции. В германском интеллигентном обществе началось оживление, возникли ожидания конституционных реформ. А двойственная,

лицемерная политика нового короля, который то давал обещания некоторых свобод, то снова отменял их, только раздражала общество, но не могла остановить начавшегося широкого движения. Германия явно вступала в свою предреволюционную эпоху.

Некоторое ослабление цензурного гнета вызвало оживление и в философии и в журналистике. В Берлине образовалась группа молодых ученых, писателей и поэтов, которые назвали себя «левыми гегельянцами», так как делали из философии Гегеля революционные выводы. Вспоминая это время и то настроение, которое одновременно переживали прежние друзья Бакунина и в России, Герцен писал: «Диалектика Гегеля—страшный тиран; она, несмотря на свое двуличие, на прусско-протестанскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все, мешающее разуму. К тому же это было время Фейербаха „der kritischen Kritik" (т.-е. «критической критики», как называли свое направление некоторые молодые философы во главе с другом Маркса Бруно Бауэром).

В самом деле, в 1841 г. появилась знаменитая книга Людвига Фейербаха *«Сущность христианства»*, которая произвела целый переворот в умах тогдашней германской интеллигенции и с восторгом встречена была, как и дальнейшие сочинения Фейербаха, Марксом и Энгельсом. Фейербах не только боролся с религиозными предрассудками и развенчивал христианского бога, но и самую философию низвел с заоблачных высот туманного и отвлеченного идеализма—на землю, в самую гущу человеческой жизни, и сделал центром ее—*человека*. С точки зрения Фейербаха, не человек для идеи, а идея для человека. Человеческие потребности, счастие человека, его развитие, его свобода,—вот что должно стать целью наших усилий, нашей борьбы. Притом, говорил Фейербах, «я создаю не предметы из идей, а, наоборот, идеи *из предметов*,

а предметом я считаю только то, что существует *вне моей головы*». Это был, таким образом, резкий переход *от идеализма к материализму*, это была замена по существу реакционного миросозерцания миросозерцанием революционным.

Революционной становилась и политическая, публицистическая деятельность левых гегельянцев. В 1842 г. в рейнской провинции, наиболее промышленной и свободной области Германии, стала выходить боевая политическая «Рейнская Газета», ближайшим сотрудником, а затем и редактором которой сделался молодой Карл Маркс, тогда еще радикальный демократ. В следующем году газета была закрыта под давлением прусской реакции, которая снова стала усиливаться.

В 1844 г. вышла в Берлине наделавшая много шума книга Макса Штирнера—«Единственный и его собственность», этот страстный манифест нарождающегося анархизма, страстная и едкая критика всех буржуазных учреждений, государства, семьи и т. д. В том же году разразилось в германской провинции Силезии грозное *восстание ткачей*, которое явилось первым подземным толчком грядущего землетрясения, первым предвестником революции 48 г., и которое обнаружило такую ужасающую нищету, такую чудовищную эксплоатацию народных масс, что так называемое «интеллигентное общество» содрогнулось.

Такова была умственная и политическая атмосфера Германии в первые годы пребывания Бакунина за границей. А во Франции вспыхивали рабочие стачки и росли, как грибы, разные социалистические учения.

В Англии же происходило грандиозное движение *чартистов*, рабочих, выдвинувших радикальные и демократические требования.

Неудивительно, что при таких условиях Бакунин быстро революционизируется. В 1842 г. он переезжает

из Берлина в Саксонию, в Дрезден, где знакомится и вступает в дружбу с одним из литературных вождей тогдашней революционной интеллигенции Германии, другом Маркса *Арнольдом Руге.*

В это время Бакунин уже принадлежал к «левым гегельянцам», был под влиянием Фейербаха и выступил с философской брошюрой, где резко критиковал реакционное направление философа-идеалиста Шеллинга, которым еще недавно сам увлекался, и закончил брошюру гимном в честь «нового утра свободного сознания».

Эта брошюра обратила на себя внимание тогдашних философов, а Арнольд Руге писал о ней своему приятелю: «Брошюра принадлежит русскому, Бакунину, который теперь живет здесь. Подумай только, этот симпатичный молодой человек превосходит всех старых ослов в Берлине». При этом Руге просит сохранить в тайне авторство Бакунина, так как «он со временем отправится в Москву, может быть, в университет». Из этого видно, что Бакунин в это время не расстался еще с надеждой стать профессором в России.

После этого революционного крещения в области философии, после этого разрыва с реакционным идеализмом, Бакунин в том же году принял революционное крещение и в области политики. В журнале «Немецкие Ежегодники», который издавал упомянутый Руге, появилась в октябре 1842 г. статья Бакунина, подписанная выдуманным французским именем, под названием: «*Реакция в Германии, заметки француза*». Эта статья характеризовала тогдашнее положение в Германии, главным образом, впрочем, в сфере *духовной* реакции, и делала из него революционные выводы. В ней прозвучал тогда впервые тот знаменитый лозунг, которому Бакунин служил потом всю жизнь и который сделался лозунгом всех анархистов: «Доверимтесь же вечному духу, который только потому разрушает

и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни» ибо *«страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть»*.

Эта статья замечена была широкими кругами германской интеллигенции, а русские друзья Бакунина встретили ее с радостью. Герцен, не зная еще, что автор статьи—Бакунин, и думая, что ее, действительно, написал француз, отозвался о ней в своем дневнике: «Художественно превосходная статья. И это чуть ли не первый француз, понявший Гегеля и германское мышление. Это—громкий, открытый, торжественный возглас демократической партии, полный сил, твердый в обладании симпатий в настоящем и всего мира в будущем... Вся статья от доски до доски замечательна». А узнав, что автором ее был Бакунин, Герцен писал о нем: «Он смывает прежние грехи свои. Я совершенно примирился с ним». И Белинский под влиянием именно этой статьи дал о Бакунине тот отзыв, который мы уже приводили, о «вечно движущем начале, лежащем в глубине его духа», которое «перевешивает все его недостатки».

Между тем саксонское правительство, которое не многим отличалось от прусского в преследовании «крамольного духа», стало подозрительно относиться к Руге и его друзьям. Тогда Бакунин вместе со своим новым другом, революционным немецким поэтом Гервегом, в 1843 г. совершенно покинул Германию и переехал в Швейцарию. Начинались его скитальческие годы. Но он был полон энергии и веры в революционное будущее. На одно из писем Руге, в котором тот высказывал сомнение относительно возможности революции в Германии и вообще настроен был мрачно, дали *одинаковый по существу* ответ и Маркс и Бакунин (Маркс переслал письмо Руге Бакунину). Маркс писал: «Ни один народ не впадает в отчаяние, и хотя бы он долгое время надеял-

ся лишь по глупости, все же после многих лет он когда-нибудь с неожиданной мудростью осуществит все свои благие пожелания». А Бакунин упрекал Руге в необоснованном малодушии. «Милый друг,—восклицал он,—только Вы не теряйте веры, только Вы. Подумайте, я, русский, варвар, не отказываюсь от нее, не отказываюсь от Германии, а Вы, Вы, стоящий посреди движения, Вы, доживший до его начала и неожиданно пораженный его расцветом, Вы хотите теперь обречь на бессилие ту самую мысль, которой Вы все доверили до тех пор, пока не было испытано ее могущество?» Он верит «в победу человечества над попами и тиранами». «Теперь, только теперь и начинается борьба!»—заканчивает Бакунин свое письмо. «И наше дело так сильно, что мы, несколько рассеянных по свету людей, с связанными руками, одним только боевым кличем повергаем в бегство и страх их мириады». И в гордом сознании своего революционного предназначения, как некогда в юношеском письме к приятельнице, Бакунин предлагает свои услуги революционной партии в Германии: «Я, скиф, развяжу у вас ваши путы, у вас, германцев, желающих быть греками. Шлите мне ваши труды! На острове Руссо *) я напечатаю их и огненными буквами еще раз начертаю на небесах истории: да погибнут персы!»

Переходя от слов к делу, Бакунин и в Швейцарии принимается за революционную агитацию, направленную против реакционных германских правительств, вступая при этом в сношения с кружком гениального немецкого рабочего-самоучки, портного Вейтлинга, который распространял среди рабочих идеи утопического коммунизма. Эта агитация вызвала преследования и аресты членов кружка. Русское посольство

*) Бакунин жил в это время на острове Руссо, на Бильском озере в Швейцарии.

донесло своему правильству о деятельности Бакунина, и он должен был в начале 1844 г. уехать из Швейцарии сперва в Брюссель, а потом в Париж. Русское правительство потребовало возвращения Бакунина на родину и, когда он отказался, сенат приговорил его к лишению офицерского чина, дворянства и прав русского подданства. В случае возвращения в Россию ему грозила каторга. Таким образом, Бакунин становился официально лишенным прав эмигрантом, одним из первых русских политических эмигрантов. Революционное крещение было им окончательно принято.

Впрочем, Бакунин мало тогда думал о России и мало огорчался тем, что для него закрыт навсегда доступ в нее. Попав в Париж, в эту великую лабораторию политических и социальных идей, Бакунин окунулся с головой в жизнь французских социалистов и в интересы тех многочисленных эмигрантов, особенно немецких и польских, которые тогда скопились в Париже.

Париж жил тогда напряженной нервной жизнью, в атмосфере политической борьбы радикальной мелкой буржуазии и интеллигенции с реакционным правительством «короля-буржуа» Луи Филиппа и одновременно в атмосфере начинавшегося рабочего движения. Во главе этого движения стояли социалисты самых различных групп и течений: социалисты-заговорщики, с вечным бунтарем и революционером Бланки, мечтавшим при помощи маленькой кучки смелых революционеров захватить власть и при помощи революционных декретов ввести социалистический строй; мирные социалисты-утописты, в роде Кабэ, который хотел убедить все человечество примером социалистических коммун, опытом социалистических колоний; наконец, мелкобуржуазный социалист Прудон, призывавший рабочих, посредством своих сбережений, как бы «выкупить» капиталистический строй. И среди всех этих

течений, приглядываясь к ним, изучая основные пружины современного общества, создавал свое великое учение Карл Маркс.

Бакунин перезнакомился, конечно, со всеми выдающимися социалистами Парижа. Особенно сильное впечатление произвели на него Маркс, Прудон, с его требованием свободы личности, с его отрицанием государства и государственной власти, и знаменитая писательница Жорж Занд, боровшаяся в своих романах за освобождение женщины от семейного гнета и от всех тяготеющих над нею предрассудков. Взгляды самого Бакунина еще в то время не определились, он бросался от одной теории к другой и был еще под сильным влиянием того отвлеченного идеализма, котоый воспринял в юности, хотя этот идеализм и наполнился теперь революционным содержанием.

В этом отношении ближе всех по духу был Бакунину Прудон, действительный «отец анархии», который сыграл огромную роль в развитии идей Бакунина. Впоследствии сам Бакунин неоднократно называл Прудона своим учителем.

Прудон, сын крестьянина и мелкий ремесленник по профессии, был типичным представителем мещанского, вернее крестьянского мировоззрения. Для крестьянина государство—это чуждая, враждебная и непонятная ему сила, являющаяся к нему лишь в форме чиновника и сборщика податей, а капитал, с которым он сталкивается, это капитал ростовщический и торговый, т.-е. наиболее хищнический и паразитический. Поэтому Прудон ставил своей задачей борьбу с государством и его вмешательством в экономическую жизнь—с одной стороны, а с другой—уничтожение крупного капитала и замену его союзами самостоятельных ремесленников и крестьян. Эта мелкобуржуазная утопия долго владела умами французских рабочих. Но не она привлекала Бакунина, а та страст-

ная борьба против государства и крупной собственности, которую вел Прудон.

С Марксом Бакунин не сошелся, хотя они по внешности подружились настолько, что были даже на «ты»: слишком различны были их характеры, слишком непохож был увлекающийся, легкомысленный по природе Бакунин на строго положительного, требующего серьезных знаний и ясной программы, а не пустых революционных фраз—Маркса.

Вот как 25 лет спустя, после ряда жестоких ссор с Марксом, в которых, как мы увидим, справедливость не всегда была на стороне Маркса, вспоминал сам Бакунин об их тогдашних отношениях. «Маркс был тогда более крайний, чем я, и до сих пор—несравненно более ученый, чем я. Я совсем незнаком был тогда с политической экономией; я не освободился еще от метафизических абстракций, и мой социализм был только инстинктивным. Он же, хотя и моложе меня годами, был уже атеистом, научным материалистом и сознательным социалистом... Мы довольно часто виделись друг с другом, потому что я очень уважал его за его знания, за его страстную и серьезную преданность делу пролетариата, хотя всегда с примесью личного тщеславия; я с интересом слушал его разговоры, всегда поучительные и умные, если только они не вдохновлялись жалкой злобой, что к сожалению бывало очень часто. Однако, между нами никогда не было полной близости; наши темпераменты не переносили этого. Он называл меня сентиментальным идеалистом и был прав; я его называл мрачным, вероломным, тщеславным человеком и тоже был прав».

Конечно, для того, чтобы оценить, как легко Бакунин давал своим идейным противникам такие характеристики, как «тщеславный, злобный и вероломный», достаточно вспомнить, как часто он еще раньше ссорился со своими ближайшими друзьями, особенно

с таким кристально-чистым, честным и чутким человеком, как Белинский, и как он бывал тогда и несправедлив и неделикатен. Несомненно то, что в то время как Маркс уже был, по собственному признанию Бакунина, «серьезно предан делу пролетариата», Бакунина это дело еще очень мало интересовало. Его увлекала идея революции сама по себе, и он искал во что бы то ни стало немедленного приложения своему революционному темпераменту, не разбираясь при этом, с кем и во имя чего он идет.

В поисках такого революционного дела он и остановился на планах и намерениях польской эмиграции, осевшей в Париже после разгрома польского восстания 1831 г. Он увлекся идеей нового польского восстания, при чем он надеялся, что революционная энергия поляков привьется и к русским, которые были ее лишены. Тогда, в 1846 г. Бакуниным на много лет овладела идея освобождения всех славянских народностей от гнета деспотических правительств России и Австрии. И за эту идею он ухватился со всем пылом своей натуры. Он вел переговоры с поляками, вербовал себе сторонников среди русских, живших в Париже, совершенно не разбираясь в людях и не интересуясь их искренностью.

Наконец, осенью 1847 г. на банкете в годовщину польского восстания Бакунин произнес резко революционную речь, направленную против русского правительства и предостерегавшую поляков от всяких попыток примирения со своим положением. За эту речь, по просьбе русского правительства, Бакунина выслали из Франции. Он уехал в Брюссель и написал письмо французскому министру иностранных дел, где предсказывал, что будущность принадлежит не людям реакции, а тем, кого они теперь преследуют.

Из Брюсселя Бакунин писал друзьям: «Может статься, что меня и отсюда также прогонят—пусть себе

гоняют, а я буду тем смелее, лучше и легче говорить... Чувствую только, что возвратиться назад я не могу и что никогда не изменю своим убеждениям». В этом же письме он признает сам, что польская агитация была для него отчасти лишь предлогом, средством для использования своих революционных сил. «Прием, сделанный мне поляками, наложил на меня огромную обязанность, но вместе *показал и дал мне возможность действовать*».

В Брюсселе Бакунин снова встретился с Марксом, который был изгнан из Парижа еще двумя годами раньше. За это время Маркс успел вполне выработать свое научно-социалистическое мировоззрение, резко порвал с Прудоном, жестоко раскритиковав его, и занимался пропагандой социализма среди немецких рабочих-эмигрантов. Понятно, что Бакунин еще больше прежнего должен был казаться ему авантюристски настроенным революционером без всякой серьезной программы и устойчивости. Это озлобляло Бакунина, который, в свою очередь, видел в Марксе лишь скучного доктринера и педанта. В вышеупомянутом письме из Брюсселя Бакунин писал: «Маркс ведет здесь то же жалкое хозяйство, что и раньше—портит работников, делая из них резонеров», т.-е., другими словами, учит их рассуждать, а не действовать. В другом месте он пишет, что Маркс «сеет здесь свое обычное зло», что в нем «тщеславие, человеконенавистничество, высокомерие в теории и малодушие на практике». Бакунину противны «литераторствующие и диспутирующие ремесленники и отвратительное заигрывание с ними». Маркс и его сторонники всех с ними несогласных называют «буржуа», «а сами все с головы до ног, до мозга костей мелкие буржуа».—«Я держусь вдалеке от них и решительно заявил, что не вступлю в их коммунистическое ремесленное общество и не желаю иметь с ними никакого дела».

Но не долго на этот раз длилось вынужденное бездействие Бакунина. 24-го февраля 1848 г. разразилась революция во Франции и пронеслась ураганом по всей Западной Европе. Везде подымалась буржуазия против господства самодержавных королей и дворянства. А вслед за буржуазией выступал и пролетариат. Он-то и давал временную победу буржуазии. Но всякий раз, как пролетариат, не довольствуясь буржуазной свободой, выдвигал свои собственные требования, испуганная буржуазия снова бросалась в объятия реакции. Таков был повсеместно ход революций 1848 г. Июньские дни в Париже, это грозное рабочее восстание, подавленное с беспощадной жестокостью, послужило началом реакции и в Германии, и в Австрии. В 1849 г. были разбиты последние вспышки европейской революции. Наступила мрачная, глухая реакция на долгие годы, до начала 60-х годов, начала нового подъема демократического и рабочего движения.

Судьба Бакунина отныне неразрывно связана с революцией. Он живет ее жизнью, кипит, волнуется, руководит восстаниями, объезжает всю Европу и везде агитирует, зовет, подстрекает. С первых дней февральской революции во Франции он появляется в Париже и он же один из последних защищает заключительную вспышку европейской революции—дрезденское восстание. В годы реакции, когда по всей Европе царит кладбищенская тишина, Бакунин заживо похоронен в казематах Германии, Австрии и России. С началом нового оживления он бежит из Сибири и снова появляется в Европе, как выходец с того света, весь полный воспоминаний «безумного» и бурного 48 г.

Попав из Брюсселя в Париж в самом начале революции, Бакунин поселился в казармах, где жили рабочие, охранявшие революционного префекта (т.-е. градоначальника) Коссидьера. По словам Герцена, он «ночевал у них, ел с ними и проповедывал, все про-

поведывал коммунизм et l'égalité du salaire *), нивеллирование во имя равенства, освобождение всех славян, уничтожение всех австрий», непрерывную революцию, «войну до избиения последнего врага». Революционный префект, делавший «порядок из беспорядка», «не знал, как выжить дорогого проповедника», деятельность которого стала пугать буржуазное временное правительство. Коссидьер решил, что самое лучшее—дать ему возможность уехать к своим славянам с якобы революционными поручениями. При этом в Париже надеялись, «что он там себе сломит шею и мешать не будет».

Бакунин, действительно, отправился в Германию, чтобы оттуда пробраться к австрийским славянам и в русскую Польшу и поднять там революционное движение.

В это время Маркс и Энгельс были уже снова в Германии и издавали «Новую Рейнскую Газету». Маркс резко критиковал неудачную и авантюристскую попытку восстания в Бадене (в Германии), предпринятую «демократическим легионом», состоявшим из немецких эмигрантов в Париже, и в котором участвовал друг Бакунина Гервег. Много лет спустя Бакунин вынужден был признать, что «в этом вопросе... Маркс и Энгельс были правы; они верно оценивали тогдашнее положение дел». Но в тот момент он видел лишь революцию для революции, не думая об ее силах, не считаясь с последствиями. Он заступился за Гервега и с негодованием обрушился на Маркса, обвиняя его в отсутствии революционного чувства, чуть не в трусости.

Вообще немецкие революционеры казались ему «филистерами», т.-е. жалкими мещанами, боящимися решительных и смелых действий.

---

*) Т.-е. равенство заработной платы.

Но он надеялся на революционность масс. «Что живо в Германии,—писал тогда Бакунин одному из своих русских друзей,—это начинающий двигаться пролетариат и крестьянское сословие; здесь будет еще революция страшная, настоящий поток взрывов; поток этот смоет с лица земли *развалины старого мира*, и тогда доброму говорливому Bürger'у*) будет плохо, очень плохо».

Впрочем, в самый разгар революционных событий во Франции и Германии Бакунин не долго останавливался на них. Его больше всего занимала идея общеславянской революции, разрушения трех деспотических монархий—русской, прусской и австрийской—и создания свободной федеративной славянской республики,—идея, которую он развил в конце 48 г. в изданной им немецкой брошюре: «Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина». С целью поднять такую революцию он поехал в столицу Богемии (Чехии) Прагу, где происходил тогда съезд разных славянских народностей Австрии. Но там его идеи не встретили поддержки, так как делегаты съезда были проникнуты консервативным национализмом. Тогда он издал «манифест к европейским народам» и в заключение принял участие в попытке восстания в самой Праге, которое легко и свирепо было подавлено австрийским генералом Виндишгрецом.

В своих замечательных воспоминаниях Герцен пишет об этом эпизоде революционной деятельности Бакунина: «В начале мая 1848 г. Бакунин... уже витийствовал в Богемии, окруженный староверскими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витийствовал до тех пор, пока князь Виндишгрец не положил пушками предела красноречию».

---

*) Т.-е. буржуа, мещанину.

Бакунину удалось спастись от княжеской расправы, и он уехал в Бреславль, в населенную поляками прусскую провинцию, откуда надеялся подготовить новую революционную попытку. Но здесь его ждал неожиданный удар, который внес много горечи в его жизнь и который преследовал его до самой смерти. Это было *подозрение в том, что он был тайным агентом русского правительства Николая I*, и притом подозрение, появившееся на столбцах «Новой Рейнской Газеты», революционной газеты Маркса и Энгельса.

Как это могло случиться? Чтобы понять это, необходимо остановиться над тем, какое впечатление должен был производить Бакунин на многих европейских революционеров. В их глазах это был русский дворянин, помещик, неизвестно откуда взявшийся, с необычайной страстностью вмешивающийся в дела Европы, проповедующий при этом наиболее революционные, наиболее «кровавые» и «разрушительные» идеи и обнаруживающий особенное пристрастие к славянским делам. А славянский мир, за исключением Польши, казался европейцам миром варварства, который может быть лишь орудием реакции в руках русского деспота, этого «жандарма Европы». Ведь те самые австрийские славяне, на которых Бакунин возлагал такие революционные надежды, были ловко направлены австрийским правительством против революции в собственной стране и при подавлении венгерской революции сыграли решающую роль. Ибо та мужицкая злоба против буржуазной цивилизации, которой были проникнуты угнетенные славяне и на которую рассчитывал Бакунин, *тогда* оказалась лишь использованной для защиты Габсбургской монархии против революционной буржуазной интеллигенции в Австрии и Венгрии. Поэтому к «славянской идее», какую бы революционную форму она ни принимала, многие германские революционеры, в том числе и

Маркс, относились тогда подозрительно, и Маркс уже в феврале 1849 г., после того как он извинился перед Бакуниным и примирился с ним, открыто выступил против его брошюры «Воззвание к славянам».

Если ко всему этому прибавить то уже известное нам легкое отношение к деньгам, которое всю жизнь отличало Бакунина, не стеснявшегося постоянно занимать их у друзей, а также клеветнический слух, будто он служил в русском посольстве, слух, нарочно еще до революции пущенный про Бакунина русским посланником в Париже, с целью его скомпрометтировать,— то станет понятным, как могло возникнуть это позорящее подозрение.

Факт тот, что оно было напечатано в «Новой Рейнской Газете», по словам Маркса, в его отсутствие и без его ведома, в корреспонденции из Парижа, при чем автор ссылался на свидетельство писательницы Жорж Занд. Узнав это, Бакунин немедленно напечатал в бреславской газете полный негодования протест, который тотчас же был перепечатан Марксом. Кроме того, Бакунин обратился за разъяснениями и к Жорж Занд, и она тоже послала в «Новую Рейнскую Газету» категорическое опровержение приписываемого ей слуха. Ее письмо также было напечатано Марксом, с примечанием от редакции, что газета дала, таким образом, Бакунину возможность «рассеять подозрения, которые действительно были распространены в известных кругах Парижа».

Хотя вскоре после того встретившись с Марксом в Берлине, Бакунин по внешности примирился с ним, но он, конечно, не мог этого никогда забыть, тем более, что клевета имеет свойство всегда оставлять липкую грязь, и что, несмотря на все опровержения, ее впоследствии не раз снова вытаскивали политические враги Бакунина, даже тогда, когда он томился в тюрьмах.

Между тем реакция расправляла крылья. Бакунину запретили жительство и в Пруссии и в Саксонии. Но он все не унимался. Революция в Европе была еще не окончательно подавлена. Она даже одерживала победы в Италии, она с новой силой подымалась в Венгрии. И в то время, как Бакунин, тайно приехав в Саксонию, снова подготовлял восстание в соседней Богемии, вспыхнула революция в самой столице Саксонии—Дрездене. Король бежал, революционеры образовали временное правительство и несколько дней находились во главе города. Бакунин был тогда в Дрездене и, конечно, немедленно, со всем пылом своей боевой натуры взялся за организацию революционной власти и защиту города от прусских войск, которые уже шли на его усмирение. Он сразу сделался душой движения, командовал, распоряжался, при чем ему, как бывшему офицеру, помогли его познания в военном деле. Но при этом он проявил и свойственную ему до гробовой доски чисто детскую наивность. Так он внес предложение поставить на городские стены самые дорогие и лучшие картины из дрезденской галлереи, в роде Мадонны (Божией Матери) знаменитого художника Рафаэля. По его мнению, пруссаки были «слишком образованы», чтобы стрелять в такие произведения искусства, и картины должны были служить как бы прикрытием для города*).

По общему признанию современников, Бакунин пользовался в Дрездене большою популярностью за свою распорядительность и мужество. Но тогда как, по словам Герцена, «бывший артиллерийский офицер

---

*) Любопытно при этом мнение Бакунина о русских. Его однажды в шутку спросили, употребил ли бы он такое средство против русских войск. «Ну, брат, нет,—отвечал Бакунин: немец—человек цивилизованный, а русский человек—дикарь, он и не в Рафаэля станет стрелять, а в самую как есть Божию Матерь, если начальство прикажет».

учил военному делу поднявших оружие *профессоров, музыкантов и фармацевтов*», т.-е. мелкую буржуазию, Маркс отнесся к поведению этой буржуазии иначе и, конечно, гораздо правильнее. В своих статьях «Революция и контр-революция в Германии», написанных всего три года спустя, он передает этот революционный эпизод следующим образом: «В Дрездене борьба продолжалась четыре дня на улицах города. Лавочники Дрездена, «городская гвардия», не только не сражались, но во многих случаях оказывали помощь войскам против восставших. *Последние состояли почти исключительно из рабочих* соседних фабричных местностей*). Они нашли в русском изгнаннике Бакунине способного и хладнокровного предводителя».

Но никакие способности и никакое хладнокровие вождей, никакое геройство рабочих не могли спасти дела, которое заранее было обречено на неудачу. Видя, что все проиграно, что правительственные войска гораздо сильнее их, восставшие отступили из города и разбежались, несмотря на все уговоры Бакунина перекинуться в Богемию. Тогда он с двумя товарищами, в числе которых был знаменитый впоследствии музыкант и композитор Рихард Вагнер, автор прославивших его опер, попытался пробраться в один из пограничных городков; при этом Вагнеру удалось спастись, а Бакунин был схвачен ночью вооруженными буржуа-добровольцами и выдан прусским властям.

Это было 10-го мая 1849 г. Революция догорала. За Бакуниным, до конца оставшимся на посту, действовавшим часто наивно и легкомысленно, но всегда искренно, горячо и мужественно, на долгие годы захлопнулись двери тюрьмы.

---

*) В самом конце восстания во главе их стал также молодой рабочий—типограф Стефан Борн, выдвинувшийся во время революции 48-го г.

Сперва Бакунина держали в тюрьме в Саксонии, где он был в январе 1850 г. приговорен к смертной казни через отсечение головы. Пять месяцев находился он в ожидании смертной казни; лишь в июне этого года ему заменили казнь вечным заключением в крепости. Но тотчас после этого, по требованию австрийского правительства, Саксония выдала его Австрии, где его снова судили и снова приговорили к казни, на этот раз к повешению. После этого его опять «помиловали», приговорив к бессрочному одиночному заключению. В австрийских тюрьмах, впрочем, где к Бакунину применили самый бесчеловечный режим, где его заковывали в ручные и ножные кандалы, а в одной из тюрем даже держали в течение *шести месяцев прикованным к стене*, он тоже пробыл недолго. Даже в тюрьме, даже в цепях он казался опасным австрийскому правительству, и оно предпочло отдать его в более безопасные и надежные руки—своему союзнику Николаю I, который помог в 1849 г. разгромить венгерскую революцию.

И вот «пикет австрийских драгун сдал Бакунина русскому жандармскому офицеру», как рассказывает Герцен, и он очутился на родине, которую покинул в 1840 г., полный юношеских надежд, стремлений и веры в себя, на родине, где его, как мы знаем, уже в 1844 г. судили заочно за «преступные за границею сношения с обществом злонамеренных людей и за ослушание вызову правительства и высочайшей воле о возвращении в Россию».

Вместо каторги, к которой он был тогда приговорен, царское правительство посадило его теперь в Петропавловскую крепость, откуда в 1854 г. Бакунин был переведен в Шлиссельбург. Австрийские и русские тюрьмы подорвали, наконец, его могучее здоровье: он заболел цынгою, потерял зубы и аппетит. Тотчас по водворении в Петропавловскую крепость Николай,

заинтересованный своим знаменитым арестантом, пожелал получить его исповедь. Бакунин написал письмо, где изложил свои взгляды на славянский вопрос. Говорят, познакомившись с этим письмом, Николай сказал: «*Он умный и хороший малый, его надобно держать взаперти*».

Когда после смерти Николая на престол вступил Александр II, и началась эра либеральных реформ, Бакунина тем не менее не амнистировали, несмотря на все хлопоты. Лишь в 1857 г., т.-е. после 8-летнего скитания Бакунина по тюрьмам трех государств, Александр согласился на замену для него тюремного заключения ссылкой в Сибирь. Бакунин вырвался, наконец, из тюремных стен.

Сперва его отправили в Томск, а оттуда, по ходатайству его родственника Муравьева-Амурского, который был тогда генерал-губернатором Восточной Сибири, перевели в начале 1859 г. в Иркутск. В Сибири вообще Бакунину жилось недурно, его не притесняли. наоборот, администрация считала за честь знакомство с ним. А дядюшка—генерал-губернатор, «оригинальный человек, демократ и татарин, либерал и деспот», как характеризует его Герцен, «дал Бакунину вздохнуть, возможность человечески жить, читать журналы и газеты, и сам мечтал с ним о будущих переворотах и войнах. В благодарность Муравьеву Бакунин в голове назначил его главнокомандующим будущей земской армией, назначаемой им, в свою очередь, на уничтожение Австрии и учреждение славянского союзничества».

В ссылке Бакунин женился на польке, Антонине Квятковской, дочери ссыльного. Этот шаг Герцен объяснял впоследствии «только сибирской скукой». А сам Бакунин в письме к Герцену из Иркутска так писал о своей жене: «Она—полька, но не католичка, поэтому свободна также и от политического фанатизма, она—славянская патриотка». На самом деле,

конечно, жена Бакунина была, хотя неглупая и тактичная, но все же простенькая мещаночка, которая далеко не была парой Бакунину. Тем не менее, после своего побега из Сибири, находясь уже в Лондоне, он забрасывал письмами и просьбами своих друзей и родных, чтоб помочь ей пробраться из Сибири за границу, и проявлял к ней большую нежность. А в последние годы жизни он был с ней почти неразлучен.

В Иркутске Бакунин нашел некоторое приложение своей страсти к агитации и пропаганде, а именно среди ссыльных поляков. На этот раз, впрочем, вероятно, под влиянием тех реформ, которые происходили в России, сам он был настроен более оптимистически к ближайшему будущему России и, как он тогда же писал Герцену, убеждал поляков «в невозможности для них оторвать свою жизнь от русской жизни, а потому и в необходимости *примирения с Россией*». Его возмущала тогда национальная исключительность и нетерпимость поляков. Он признавал за угнетенными национальностями право на выставление «вперед принципа национальности», но, по его мнению, «это право есть вместе и болезнь, *вредная и опасная болезнь*». И он считал необходимым для русских, «хотят этого поляки или не хотят», «для нашего обоюдного спасения *помириться, побратоваться*».

В Сибири Бакунину впервые за всю его жизнь (как это впоследствии бывало со многими русскими интеллигентами, попавшими в ссылку) пришлось близко познакомиться с будничной, практической жизнью русской провинции. Он поступал даже на службу к сибирским купеческим фирмам, между прочим к золотопромышленникам. Это и помогло ему совершить свой знаменитый побег.

Отдохнув от тюремной жизни, он вскоре начал тяготиться своим вынужденным бездействием. Из Европы приходили вести о начавшемся оживлении. Ожи-

вление переживала и Россия, где произошло, наконец, освобождение крестьян от крепостной зависимости, ослабление цензурного гнета, начиналось возрождение после мрачной Николаевской реакции. Все эти вести действовали на старого бунтовщика и революционера, как звук трубы на боевого коня. Бакунин решил бежать, о чем заранее известил своих старых друзей—Герцена и Огарева, живших теперь в Лондоне и издававших «Колокол», который будил всю Россию. Воспользовавшись доверием, которое питало к нему сибирское «начальство», Бакунин, под предлогом поездки по делам торговой фирмы, где он служил, отправился из Иркутска в Николаевск на Амуре (это было летом 1861 г.), а оттуда пробрался к морю и на купеческом корабле через Японию приехал в Америку, в Сан-Франциско, далее через Панаму в Нью-Иорк и Лондон, куда прибыл в самом конце 1861 г., «сделав, таким образом, 30.000 верст в шесть месяцев», как писал сам Бакунин из Лондона одному знакомому в Томск. «В Америке,—сообщал он,—пробыл с месяц и многому поучился. Увидел, как край путем демагогии дошел до тех же жалких результатов, каких мы достигли путем деспотизма». Таким образом, пребывание в Америке сыграло некоторую роль в образовании позднейших анархических взглядов Бакунина, в отрицании им разницы между демократией и деспотизмом.

Но главная идея, с которой он ехал в Европу, была его старая идея—славянский вопрос. «Друзья,—писал он Герцену и Огареву из Америки,—всем существом стремлюсь я к вам и, лишь только приеду, примусь за дело, буду у вас служить по *польско-славянскому* вопросу, который был моей идеей с 1846 г. и моей *практической специальностью* в 48 и 49 гг. Разрушение, полное разрушение Австрийской империи будет моим последним словом». Для служения этому

делу он «готов итти в барабанщики, или даже в профосты».

Прибыв в Лондон, Бакунин был радостно и торжественно встречен друзьями.

III.

Период второй эмиграции.

Итак, Бакунин снова оказался за границей, в Лондоне, в самой гуще европейской жизни и одновременно в центре всей европейской эмиграции, куда стекались изгнанники из наполеоновской Франции, из Италии, Германии, России и Польши. Это была среда, где он больше всего чувствовал себя в родной стихии, стихии нервно-возбужденной политической атмосферы, подготовки восстаний и заговоров.

Приехал он, конечно, без всяких средств и опять, как в начале сороковых годов, попал на иждивение к Герцену. Теперь Бакунину взялся помогать материально и Тургенев, который позднее дал денег также на поездку его жены из Сибири.

Каким был в это время Бакунин? Каков был его характер, его взгляды и интересы?

Его ближайший друг Герцен дал в своих воспоминаниях такую блестящую и меткую характеристику Бакунина в это время, характеристику немного насмешливую, но одновременно дружескую и беспристрастную, что передавать ее своими словами значило бы только портить ее, и мы потому приведем из нее большие отрывки.

«Бакунин был тот же—он состарелся только телом; дух его был молод и восторжен, как в Москве во время всенощных споров... Он тяготился долгим изучением, взвешиванием pro и contra*) и рвался,

*) За и против.

доверчивый и отвлеченный, как прежде, к делу. Фантазии и идеалы, с которыми его заперли в Кенигштейне*) в 1849 г., он сберег и привез их через Японию и Калифорнию в 1861 г. во всей целости... Тогдашний дух партий, их исключительность, их симпатии и антипатии к лицам, пуще всего их вера в близость второго пришествия революции,—все было налицо...

«Европейская реакция не существовала для Бакунина, не существовали и тяжелые годы от 1848 до 1858; они ему были известны вкратце, издалека, слегка. Он их *прочел* в Сибири так, как читал в Кайданове**) о Пунических войнах и о падении Римской империи. Как человек, возвратившийся после мора, он слышал о тех, которые умерли, и вздохнул об них обо всех; но он не сидел у изголовья умирающих, не надеялся на их спасение, не шел за их гробом. Совсем напротив, события 1848 г. были возле, близки к сердцу... все это было для Бакунина *вчера*, звенело в ушах, мелькало пред глазами... В Лондоне он говорил в 1862 г. против нас почти то, что говорил в 1847 против Белинского. Бакунин находил нас *умеренными*, не умеющими пользоваться тогдашним положением, недостаточно любящими решительные средства».

Окружив себя всевозможными славянами, настоящими и поддельными, среди которых были «демократы без социальных идей, но с офицерским оттенком, социалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотевшие где-нибудь подраться, в Северной или Южной Америке»,—Бакунин «спорил, проповедывал, распоряжался, кричал, решал, направлял, организовал и ободрял целый день, целую ночь, целые сутки. В короткие минуты, остававшиеся у него свободными, он бросался за свой письменный стол, расчи-

*) Саксонская крепость.
**) Учебник истории.

щал небольшое место от табачной золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писем... Деятельность его, праздность, аппетит и все остальное, как гигантский рост и вечный пот, все было не по человеческим размерам, как и он сам; а сам он—исполин с львиной головой, со всклокоченной гривой.

«В пятьдесят лет он был решительно тот же кочующий студент с Маросейки... без забот о завтрашнем дне, перенебрегая деньгами, бросая их, когда есть, занимая их без разбора направо и налево, когда их нет, с той простотой, с которой дети берут у родителей, без заботы об уплате, с той простотой, с которой он сам отдает всякому последние деньги, отделив от них, что следует, на сигареты и чай*). Его этот образ жизни не теснил; он родился быть бродягой, бездомником». Вообще в нем было что-то детское, и поэтому, когда он бранился, ему прощали. Про него говорил один лондонский эмигрант из крестьян: «Это — большая Лиза, как же на нее сердиться—дитя!»

Первые два года за границей Бакунин целиком был поглощен славянскими и русскими делами. В России в это время появились первые революционные группы из студенческой молодежи. В Петербурге выпущен был ряд прокламаций, из которых особенно нашумел листок «*Молодая Россия*» с призывом к восстанию. Народные массы ничего об этом не знали или же смотрели на революционеров, как на барчуков, недовольных отменой крепостного права. Тем не менее правительство крайне испугалось этих прокламаций. Начались аресты молодежи и каторжные приговоры. А когда к этому присоединились первые в России массовые студенческие волнения, и Петербург пережил целую полосу пожаров, устраивавшихся ворами или прово-

---

*) Вспомним, что Белинский почти *в тех же выражениях* писал об этой черте характера Бакунина *25 лет перед тем!*

каторами, но приписывавшихся студентам,—правительство и реакционеры пришли в ужас и ввели самый деспотический режим.

Взгляды Бакунина по отношению к тогдашней России были сравнительно довольно умеренные. В изданной им в 1862 г. брошюре «*Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель**)?» Бакунин решительно осуждает прокламацию «Молодая Россия» за ее пренебрежение к народу и его нуждам, за ее резкий революционный тон без революционного дела. Сам он думает, что России предстоит в самом близком будущем страшное народное восстание, и считает, что единственным средством избежать его и связанных с ним кровавых жертв было бы, если бы сам царь стал во главе народа, созвал бы всенародный Земский Собор и отдал бы народу землю. Но он не верит уже, чтоб Александр II был на это способен. Его программа—это национализация земли, «так чтоб не было ни одного русского, который не имел бы части в русской земле»; это—народное самоуправление сверху донизу, «с царем или без царя, все равно, и как захочет народ. Но чтоб не было в России чиновников». Наконец, это—самоопределение всех народов России на федеративных началах и союз со всеми славянами. «Отношение наше к Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русского, славянского дела. Если царь во главе его,—мы за ним. Но когда он пойдет против него, мы будем его врагами». Молодежи Бакунин советует итти к народу, сближаться с ним, чтобы в момент восстания быть вместе с ним. Таким образом, тот лозунг «в народ», под каким шла наша социалистическая интеллигенция в начале 70-х гг., был дан Бакуниным за десять лет до этого.

---

*) Пестель—один из главных вождей декабристов, добивавшийся республики и казненный Николаем в 1826 г.

Он до такой степени верил в близость восстания, что летом 1862 г., во время своих усиленных хлопот о приезде жены, писал Тургеневу: «Мы издали видим, что вас уж буря захватывает. Скоро будет поздно устраивать да перевозить (жену), да и правительство может сделаться злее».

Но в то же время он осуждал такие действия, как пожары, которые тогда ложно приписывали студентам (он писал «на глупость сверху отвечает изуверство снизу»), и как террористические покушения, считая, что они отталкивают народ от революционеров и вредят общему делу.

Зато, когда вспыхнуло польское восстание 1862—63 г., Бакунин весь отдался ему, увлекши на это дело и Герцена, который в него не верил. Еще до этого Бакунин рассылал во все концы шифрованные письма и агентов с революционными поручениями, входил в сношения с петербургскими революционерами, устраивал доставку в Россию «Колокола», ездил даже в Швецию, чтоб быть поближе к будущему восстанию. А когда восстание в Польше, действительно, началось, он мечтал об отправке туда на помощь полякам русского легиона и верил, что восстание из Польши перекинется на Украйну, Дон и Волгу. Он надеялся также на революционность староверов и сектантов, для которых Огарев издавал особое приложение к «Колоколу», и пытался завязать сношения и с ними. Бакунин весь кипел в это время, о котором Герцен пишет: «Он любил не только рев восстания и шум клуба, площади и баррикады; он любил также и приготовительную агитацию, эту возбужденную и вместе с тем задержанную жизнь конспираций, консультаций, неспанных ночей, переговоров, договоров... химических чернил и условных знаков».

Бакунин и Герцен вступали в переговоры с поляками, которые ждали от них серьезной помощи. Но

восстание, как известно, было жестоко подавлено, причем русскому правительству удалось часть польских и белорусских крестьян натравить на восставших дворян и интеллигенцию. Польское восстание вызвало реакцию и в России, и притом реакцию не только правительственную, но и общественную. Либералы не могли простить Герцену, что он поддержал поляков против России. «Колокол» перестал почти доходить в Россию. Лондонские эмигранты оказались отрезанными от того дела, которому они служили до сих пор.

Тогда Бакунин, потеряв надежду на Россию, с головой окунулся в дела Европы, в разных странах которой все больше разгоралось революционное и рабочее движение.

В Англии развивалось и крепло профессиональное движение. Во Франции деспотический режим Наполеона III уже давал трещины; рабочие зашевелились, провели ряд громких забастовок и выставили первые рабочие кандидатуры при выборах в Законодательное Собрание. В Германии началось социал-демократическое движение под руководством великого борца и трибуна Лассаля. Но больше всего привлекала неугомонную натуру Бакунина *Италия*, где не прекращалась героическая революционная борьба с Австрией и папой за объединение и независимость, борьба, где сражались революционные отряды патриота-демократа Гарибальди, где действовали тайные, подпольные кружки и общества, руководимые религиозно настроенным знаменитым революционером Мащини, старым другом Бакунина и Герцена. В Италии шла не «мирная» борьба в «законных» рамках, борьба, противная душе Бакунина, а восстания, заговоры, сражения. И его потянуло именно в Италию.

Ибо, как говорит Герцен, «в этом человеке лежал зародыш деятельности, на которую не было запроса.

Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, ересиархом, бойцом. Поставьте его, куда хотите, только в *крайний край*».

А кузина Герцена, Т. Пассек, пишет о Бакунине этого периода в своих воспоминаниях «Из дальних лет»: «Умный, начитанный, обладающий даром слова, проникнутый немецкой философией, он иногда был малодушен, как ребенок, которому хочется какого-нибудь дела: если печатать—то прокламации; если действовать—то все везде поставить вверх дном, ничего не щадить, никогда не задаваться мыслью, что из этого может выйти,—итти на пролом».

Этот отрывок показывает, какое впечатление производил Бакунин на мещанскую, хотя и вдумчивую и умную представительницу интеллигенции: то, что ей казалось чуть ли не детским капризом, были поиски не «какого-нибудь дела», а лишь наиболее революционной, с точки зрения Бакунина, работы.

В октябре 1864 г. в Лондоне, куда он приехал после вторичного путешествия в Швецию из Италии, Бакунин встретился с Марксом. Еще во время пребывания Бакунина в русских тюрьмах одна немецкая газета вытащила против него старое клеветническое обвинение в шпионстве. За него горячо заступились Герцен и Маццини, а Маркс снова напечатал в лондонской прессе опровержение этой клеветы. Теперь Маркс лично посетил Бакунина и хотел возобновить с ним дружеские отношения. В это время уже было основано знаменитое «*Международное товарищество рабочих*», так называемый *первый Интернационал* (он был учрежден 28-го сент. 1864 г. на международном митинге в Лондоне в честь польского восстания). Во главе его стоял Маркс, и он предложил Бакунину примкнуть к нему. Бакунин обещал, но участия в Интернационале не принял. Его влекли революционные перспек-

тивы в Италии, куда он и вернулся, поселившись в Неаполе и прожив там с женой до 1867 г.

Правда, в Италии и жизнь была дешевле, и климат для жены лучше, а Бакунин был сильно этим озабочен. Но главное для Бакунина была все же *специальная революционная атмосфера* Италии, в которую он целиком и погрузился. Он основал вместе с некоторыми последователями журнал «Свобода и справедливость», в котором вел решительную борьбу с Мадзини и его сторонниками из-за их религиозности и государственности, и положил начало анархо-социализму в Италии. Его не остановила в этой борьбе старинная дружба с Мадзини, как впоследствии, когда он был уже смертельным врагом Маркса, это не помешало ему признавать его революционные заслуги перед европейским пролетариатом. Мало того, он стал даже на сторону Маркса против Мадзини.

Вместе с тем Бакунин уже тогда в Италии попытался организовать *свой* «интернационал», *тайное* «Международное братство», или «Союз революционных социалистов», в который он по своему обыкновению набирал членов без всякого разбора, часто даже без их явного согласия. Таким образом, в это общество вошло по нескольку членов от французов, итальянцев, скандинавов, славян, в том числе и русских.

Задачи общества, как несколько лет спустя писал сам Бакунин, были следующие: в борьбе против Мадзини «Союз поставил в своей программе *атеизм, совершенное отрицание всякого авторитета и власти*, отрицание гражданственности, заменяющей в государстве свободную человечность, *коллективную собственность*; он объявил труд основанием общественной организации, которая в этой его программе указывалась в виде вольной федерации снизу вверх».

Революционное нетерпение Бакунина и его способность видеть не то, что есть, а то, что диктовал его

темперамент, конечно, увеличили до смешного значение и размеры этого «международного Союза». Бакунин, впрочем, сам в этом очень скоро убедился, так как основанное им «общество» распалось, ничем себя не проявив; сам же Бакунин, при всем анархизме его тогдашних взглядов, в полном противоречии с ними, увлекся новой идеей: попыткой соглашения революционных социалистов с буржуазными демократами из *«Лиги мира и свободы»*.

Эту «Лигу» образовали представители буржуазно-демократической интеллигенции разных народов, главным образом, впрочем, французы и немцы, для борьбы против милитаризма и деспотизма. Бакунин приехал из Италии в Женеву на первый съезд этой Лиги, участвовал в нем и был даже выбран в ее центральный комитет. После того он предложил Интернационалу вступить в соглашение с Лигой на основе взаимной поддержки буржуазии и пролетариата. Это было то самое «соглашательство» (выражаясь современным языком), которое спустя 2—3 года Бакунин считал главным грехом возникшей тогда в Германии марксистской социал-демократии; оно свидетельствует о большой принципиальной неустойчивости самого Бакунина.

Впрочем, попытка эта продолжалась очень недолго и была последней. Бакунин специально переселился в Швейцарию, чтобы быть ближе к Лиге, и усердно принялся пропагандировать в ней свои взгляды. Но когда на втором съезде Лиги Бакунин, вместе с рядом своих ближайших друзей по прежнему тайному «братству», попытался провести свои анархо-социалистические резолюции, он потерпел поражение. Тогда он порвал с «Лигой мира и свободы» и тотчас возобновил свое «интернациональное братство» под названием «Международный союз социальной демократии», или иначе, «Альянс (т.-е. союз) социальных революционеров». Программу этого союза написал Бакунин. Она

включала все те идеи, которыми руководствовалось основанное им в Италии «братство», т.-е. атеизм или борьба с религией, борьба со всяким государственным порядком, общественная собственность на землю и орудия труда. Вместе с тем программа требовала *«уравнения классов»*, предполагая, таким образом, что отдельные классы останутся и после социалистической революции; средством к этому «уравнению» предлагалась «отмена права наследства». Наконец, программа отвергала для рабочих какую бы то ни было политическую борьбу, кроме непосредственного свержения капитала.

Хотя «Союз социальной демократии» должен был существовать открыто, но Бакунин не мог отказаться от своей страсти к тайным организациям, заговорам и конспирациям. Поэтому внутри открытого союза существовало тайное «Интернациональное братство», о существовании которого отдельные группы Союза и знать не должны были; во главе этого тайного внутреннего «братства» стоял сам Бакунин в качестве диктатора, и в него допускались лишь особо доверенные лица, достойные по своим высоким качествам этого доверия. Таким образом, хотя Бакунин в организационном вопросе отрицал всякую централизацию, всякую власть сверху и требовал «свободной федерации групп», но в своем собственном «Союзе» он допускал исключение и притом тайно для рядовых членов этого союза. На это противоречие впоследствии обратил внимание Маркс, подвергнув его беспощадной критике и указав, что вся созданная Бакуниным организация построена так, чтобы всегда находиться под его влиянием.

Между тем тотчас после своего основания Бакунинский «Союз» предложил лондонскому Генеральному Совету (т.-е. Центральному Комитету) Интернационала включить его в состав Интернационала, как самостоя-

тельную часть, с отдельной программой и своими съездами. Генеральный Совет, во главе которого стоял Маркс, решительно отверг это предложение, требуя подчинения уставу Интернационала*).

Тогда Бакунин для виду распустил свой «Союз», члены которого должны были вступить в отдельные «секции», т.-е. местные группы Интернационала. Сам Бакунин вступил в Женевскую секцию. Но тайный «Альянс», или братство, из нескольких преданных Бакунину людей разных национальностей, остался, образуя, таким образом, *внутри* открытого Марксовского Интернационала другой—тайный, бакунинский, который должен был вести борьбу с идеями Маркса и пропагандировать идеи Бакунина.

Бакунин и его сторонники выступали против втягивания рабочих в политическую борьбу, против идеи захвата власти пролетариатом, так как они отрицали *всякую* государственную власть, в чьих руках она бы ни находилась. Поэтому они восставали также против власти лондонского генерального Совета (правда, лишь с того времени, когда он выступил против них; раньше они эту власть сами поддерживали) и против «диктатуры» Маркса. Кроме того, они считали марксистов слишком «умеренными», лишенными «революционного инстинкта».

При этом им нередко, действительно, приходилось на местах, особенно в Швейцарии, сталкиваться с явно оппортунистическими, мелко-буржуазными элементами, так что, при всем своем анархизме и непоследовательности, бакунисты бывали иногда представителями настоящей классовой, революционной политики. Это,

---

*) При встрече с Бакуниным в 1864 г. Маркс отнесся к нему с дружеским доверием. Но как только он убедился, что Бакунин ведет свою революционную работу отдельно и нередко вразрез с Интернационалом, в нем проснулась прежняя антипатия к Бакунину.

впрочем, не мешало им своим отрицанием государства и политической борьбы в других случаях в той же Швейцарии или во Франции привлекать к себе сторонников мелко-буржуазного социализма Прудона, все надежды возлагавших на взаимопомощь самих рабочих, или стоявшие вне всякой пролетарской борьбы деклассированные, выбитые из колеи элементы буржуазной интеллигенции.

Как бы то ни было, но борьба между Бакуниным и Марксом вспыхнула с новой силой, и в эту борьбу были вовлечены все передовые, сознательные рабочие Европы. Бакунин в эти первые годы борьбы внутри Интернационала, т.-е. в 1868—70 гг., проявлял огромную, кипучую энергию, писал десятки и сотни писем и ряд статей в анархистских журналах, рассылал своих агентов по Швейцарии, Италии, Франции и Бельгии. Везде у него появились пылкие и преданные сторонники, которые посылали своих представителей на общие съезды и конференции Интернационала и вели там борьбу с марксистами.

В некоторых странах, как, напр., в Испании и отчасти в Италии, самое основание секций Интернационала принадлежит инициативе и энергии Бакунина, который посылал туда своих людей, письма и инструкции. В этих странах рабочие познакомились впервые с идеями социализма в их *бакунистской*, анархической форме и это на ряду с экономической отсталостью этих стран и почти полным отсутствием в них организованного промышленного пролетариата послужило причиной того, что идеи анархизма приобрели там такое распространение и так долго держались. Это предвидел друг Маркса Энгельс, который писал Марксу в 1870 г. о бакунистах, что «Испанию и Италию придется им предоставить, по крайней мере, на время».

Борьба Бакунина с Марксом необычайно обострила их взаимные отношения и крайне ожесточила друг

против друга их сторонников, вызывая резкую полемику и расколы в местных секциях Интернационала.

При этом обе стороны не стеснялись в выражениях и средствах борьбы. Так, у Бакунина проявились свойственные ему антисемитские нотки. Маркс, как известно, был еврейского происхождения. Евреем был также Лассаль. Наконец, евреем считал Бакунин жившего в Женеве русского эмигранта Утина, представителя марксистской части Интернационала, человека, действительно, недостойного, низкого и впоследствии ренегата, помилованного царем. Этого для Бакунина было достаточно. В его сочинениях и письмах мы находим целый ряд совершенно непристойных, прямо диких антисемитских выходок, к которым нам еще придется вернуться позднее.

Кроме того, Бакунин обвинял Маркса в вероломстве, коварстве, властолюбии, мелком тщеславии и прочих грехах.

Но все же в этой борьбе Бакунин был, пожалуй, более пострадавшей стороной. Временами противники как бы совершенно забывали об его революционных заслугах, об его жизни борца, о великих жертвах, принесенных им ради дела революции, и видели в нем лишь интригана, способного на самые низкие поступки. А некоторые не в меру усердные сторонники Маркса снова вытащили против Бакунина столько раз уже опровергнутую клевету, что он—«агент русского правительства». Эту низость из одной берлинской газеты перепечатал в своей газете «Народное Государство» один из тогдашних вождей германской социал-демократии—Вильгельм Либкнехт (отец Карла). Третейский суд, к которому вызвал его Бакунин на Базельском съезде Интернационала, признал единогласно в поведении Либкнехта преступное легкомыслие. Либкнехт извинился и пожал руку Бакунину, который великодушно сжег приговор.

* * *

Особенно повредили Бакунину в глазах европейских социалистов его сношения с знаменитым русским революционером Нечаевым.

По приезде в Швейцарию Бакунин одновременно с своей анархической работой в Интернационале возобновил сношения с Россией в лице первых русских эмигрантов. В Цюрихе в конце 60-х гг. образовалась довольно большая колония русской учащейся молодежи, особенно женщин и молодых девушек, приехавших туда учиться, так как в России им запрещен был доступ в высшие учебные заведения. Эта молодежь представляла благодарную почву для революционной агитации и для сношений с Россией. Тогда же стали появляться в Швейцарии и первые эмигранты революционеры, бежавшие из России, скрываясь от репрессий или прямо из ссылки. Бакунин жадно набросился на них, видя в них признаки начинающегося на родине революционного движения. Уже в 1868 г. под его редакцией и с его статьями вышел в Женеве первый номер русского журнала «Народное Дело»; в нем помещена была анархическая программа Бакунина для России, которая требует «прежде всего окончательного разрушения государства... искоренения всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями». Но со 2-го номера журнал перешел в другие руки, и направление его изменилось.

Весной 1869 г. в Швейцарию приехал Нечаев. Бывший учитель городского училища, он занимался революционной агитацией среди петербургских и мо-

сковских студентов. Обладая огромной силой воли и характера и умея действовать на самых различных людей (как он это потом доказал во время долголетнего заключения в Петропавловской крепости, где ему удалось совершенно подчинить своей воле охранявших его солдат), Нечаев поставил себе целью совершить в России анархическую, всеразрушительную революцию, соединившись «*с диким разбойным миром, этим истинным и единственным революционером в России*». Для этой цели он считал годными *все* средства, до самого низкого обмана, вероломства, кражи чужих писем и даже убийства тех, кто отказывался ему подчиняться. Он действовал от имени таинственного, никогда не существовавшего «Комитета народной расправы» и привлек довольно много молодежи, которая потом судилась по так называемому «нечаевскому процессу». Сам Нечаев убежал за границу и здесь приобрел влияние и на старика Бакунина. Он заставил его написать за своей подписью несколько воззваний к молодежи, в одном из которых Бакунин дает лозунг *бросить науку и итти в народ* для подготовки великой социальной революции.

Нечаев убедил Бакунина, что в России все готовы для восстания, в роде пугачевского или разинского, и что он послан центральным комитетом революционной партии. Он опутал Бакунина целой сетью лжи и обмана, вымогал через него деньги, писал от его имени на бланке «Народной расправы» угрожающие письма и т. д. Лишь несколько месяцев спустя понял Бакунин, с каким человеком он имел дело, и в письме к другу охарактеризовал Нечаева, не щадя красок, говоря, что «он обманул доверие всех нас, он покрал все наши письма, он страшно скомпрометтировал нас, словом, вел себя, как плут».

Но было уже поздно. Сношения Бакунина с Нечаевым стали известны, и Маркс потом использовал их,

чтобы обвинить Бакунина в нечестных действиях. И хотя во многом эти обвинения были несправедливы, так как Бакунин сам был обманут, но несомненно Нечаев нашел благодарную почву в любви Бакунина к таинственности, к игре в заговоры и конспирации с самыми близким людьми, что подтверждают и некоторые бакунисты*). При этом Бакунин был и остался до конца жизни наивным ребенком в практической жизни и потому легко становился жертвой хитрых или настойчивых людей и под их влиянием мог совершить некрасивые поступки.

Озлобление против Нечаева не помешало однако Бакунину издать страстный протест против попытки швейцарского правительства выдать Нечаева России в 1870 г. (в 1872 г. Нечаев все-таки был предательски схвачен в Цюрихе и выдан русскому правительству). Этим протестом, носящим название «Бернские медведи и медведь петербургский» и написанным от имени «возмущенного швейцарского патриота», Бакунин воспользовался, чтобы в яркой и остроумной форме подробно изложить свои антигосударственные, анархические взгляды.

Но вся эта нечаевская история, стоившая впоследствии Бакунину так дорого, в данный момент совершенно отошла на задний план перед новым событием мировой важности, которое целиком захватило Бакунина: *началась франко-прусская война*. Все его симпатии, конечно, оказались на стороне Франции, в которой после ряда поражений провозглашена была 4-го сентября 1870 г. республика. Только в отличие от Маркса, ко-

*) В письме к одному из своих молодых русских поклонников Бакунин писал: «*В революции три четверти фантазии и только одна четверть действительности*». И сам он охотно смешивал иногда «фантазию» с «действительностью»...

торый на первых порах советовал французским рабочим во время войны поддерживать буржуазное временное правительство, Бакунин решил, что на это правительство рассчитывать нечего, что только новая революция, революция социальная, которая подымет рабочую и крестьянскую массу, может спасти Францию, отразив нашествие германских войск, и в то же время послужить началом революции во всем мире.

Не отделяя слов от дела, Бакунин тотчас после объявления республики, 9-го сентября, уехал из Швейцарии во Францию, в Лион, где находился кружок его последователей, который он избрал центром будущей революции. Из сочувствующих Бакунину лиц, главным образом рабочих-членов Интернационала, был образован «Комитет спасения Франции». Первым делом Бакунина было составить «декрет», которым все офицеры объявлялись разжалованными и солдатам предлагалось *избрать* себе новых. Затем была издана прокламация на красной бумаге, под которой подписался и Бакунин в числе делегатов от нескольких городов. Эта прокламация доводила до всеобщего сведения, что «административная и правительственная машина государства, сделавшись бессильною, отменяется», что «французский народ берет сам в свои руки все дело», и призывала все общины Франции образовать у себя «комитеты спасения» и прислать в Лион делегатов на «революционный конвент для спасения Франции». Вместе с тем группа революционеров, с Бакуниным во главе, силою захватила здание городской думы и стала отдавать приказы, как революционная власть (между прочим, приказ арестовать всех офицеров).

Таким образом, Бакунин, который, как мы увидим ниже, самым решительным образом высказывался против всякого захвата власти революционерами, против всякой правительственной деятельности с их стороны,—при первой же попытке восстания сам

пошел на захват власти маленькой группой лиц и сам предложил созыв революционного конвента, т.-е. органа верховной власти.

Но продержаться этой группе удалось лишь несколько часов: восстание было быстро и легко подавлено правительственными войсками и полицией. Сам Бакунин был при этом арестован, при чем его грубо обыскивали, толкали и т.-д. Впрочем, подоспевшая толпа революционеров, под командой бывшего русского офицера Озерова и польского типографа Лункевича, освободила его, и ему удалось бежать в Марсель. Уезжая, он был полон самых мрачных предчувствий и в письме к одному из своих французских друзей делал следующие предсказания: Франция станет «вассальным княжеством Германии. Место ее живого, действенного социализма займет доктринерский *) социализм немцев, которые говорят лишь то, что позволяют им сказать прусские штыки. Бюрократичекий и военный разум Пруссии, в союзе с кнутом петербургского царя, водворят спокойствие и порядок, по крайней мере, на пятьдесят лет на всем континенте Европы»**).

Тем не менее Бакунин и в Марселе пытался устроить восстание, но на этот раз еще с меньшим успехом. А в то время, как он там скрывался, французские власти пустили слух, что он—агент Пруссии. Да и немецкая с.-д. газета, редактируемая В. Либкнехтом, писала, что авантюры Бакунина лучше всего помогают Бисмарку...

---

*) Т.-е. книжный, теоретический.

**) Интересно сравнить с этим предсказанием другое, сделанное в это же время Марксом: «Теперешняя война ведет... с неизбежностью к войне между Германией и Россией... Таков лучший результат, какого я ожидаю от нее для Германии. Эта война № 2 сослужит также службу акушера *неизбежной социальной революции в России*».

Скрываясь от поисков полиции, Бакунин бежал и из Марселя, сняв свои пышные волосы и бороду и надев синие очки. Он пробрался на корабле в Италию, а оттуда вернулся в Локарно в итальянской Швейцарии, где жил последнее время. В это время вспыхнуло восстание парижской *коммуны*, и надежды Бакунина оживились ненадолго. Он писал, что парижские рабочие спасли честь Франции и восстановили свою былую революционную славу. А после разгрома коммуны он еще усилил свою агитацию, особенно в Италии, где он еще раз резко выступил против своего бывшего друга Мацщини, напавшего на коммунаров, и где это выступление создало Бакунину много сторонников среди рабочих и ряд новых секций Интернационала. Кроме двух брошюр против Мацщини, Бакунин издал тогда два важных сочинения—«Письма к французу о современном кризисе» и «Кнуто-германская империя и социальная революция», в которых изложил свои взгляды на положение тогдашней Европы и на задачи социальной революции.

Вместе с тем Бакунин продолжал борьбу против влияния идей Маркса в Интернационале. Борьба эта с обеих сторон становилась все ожесточеннее. В отдельных секциях, особенно в Швейцарии, происходили расколы; бакунистов исключали, а они образовывали самостоятельные группы. Осенью 1871 г. в Лондоне была созвана конференция Интернационала, которая постановила увеличить власть Генерального Совета по отношению к отдельным секциям. Это еще более усилило кампанию Бакунина и его сторонников против «диктатуры Маркса». А Маркс, в свою очередь, составил и разослал от имени Генерального Совета «секретный циркуляр» о деятельности бакунистов, где обвинял их в стремлении разрушить Интернационал. Мнение тогдашних марксистов о Бакунине может быть выражено следующими словами, написанными

в одной швейцарской социалистической газете пять лет спустя, т.-е. уже после его смерти: «На Бакунина смотрели многие хорошие социалисты, люди беспристрастные, как на русского агента; это подозрение, ложное, без сомнения, основывалось на том, что *разрушительная деятельность Бакунина приносила только зло революционному движению и в то же время была очень полезна для реакции*».

Раньше, чем эта борьба достигла особенной остроты, Маркс еще старался сохранить беспристрастие. В начале 1870 г. он писал Энгельсу, что, под влиянием их циркуляров, «и в Швейцарии и во Франции началась *травля бакунистов*. Но есть предел всему, и я позабочусь о том, чтобы не допускать никакой несправедливости». Но теперь Маркс счел деятельность Бакунина настолько вредной, что решил во что бы то ни стало добиться исключения его из Интернационала. Для этого он решил использовать, кроме раскольнической организационной деятельности Бакунина (причем справедливость требует признать, что в этом отношении его фракционные противники на местах были немногим лучше), еще и те слухи, которые ходили о нем среди русских эмигрантов в связи с Нечаевым. Мы уже упоминали, что Нечаев через Бакунина вымогал деньги; он же заставил Бакунина прекратить начатый им перевод на русский язык «Капитала» Маркса (за который Бакунин уже получил часть платы вперед) и без ведома Бакунина написал угрожающее письмо издателю, требуя от него разорвать договор с переводчиком.

На съезде Интернационала в Гааге в начале сентября 1872 г., где за марксистами было большинство и где выступали сами Маркс и Энгельс, Бакунин и его ближайшие друзья *были исключены*; при этом специально Бакунину вменялось в вину не только то, что он «пытался, а может-быть, и успел организовать

в Европе общество под названием «Альянс» (Союз), устав которого, с точки зрения социальной и политической, совершенно расходится с уставом «Международного Общества Рабочих» (т.-е. Интернационала),— но и то, что «гражданин Бакунин, пользуясь обманными средствами, имевшими целью присвоить себе часть имущества другого лица, совершил поступок, который признается мошенничеством; что, кроме того, дабы не выполнить взятых на себя обязанностей, он или его агенты прибегли к угрозам».

Эти тяжкие обвинения, как мы видели, несомненно несправедливы и могут быть лишь отчасти извинены той страстной фракционной борьбой, которая разгорелась внутри Интернационала, борьбой, в которой, по мнению Маркса, «дело шло о жизни или смерти Интернационала». Единственно, в чем мог быть обвинен Бакунин в вопросах чести, это в легкомыслии, а также в известной неряшливости в денежных делах,—черта, как мы видели, свойственная ему с ранней юности. Но вместе с тем цель, к которой стремился Маркс,—сохранение Интернационала от разлагающего, дезорганизующего влияния Бакунина—не была достигнута его исключением. После гаагского конгресса старый Интернационал фактически распался, тогда как бакунистам еще несколько лет удавалось созывать съезды своего, анархического Интернационала. Мало того, под влиянием несправедливости, совершенной по отношению к Бакунину, число его приверженцев первое время еще возросло, особенно в Италии, где восторженно настроенные рабочие смотрели на Бакунина, как на мученика, и называли его Santo Maestro—«святым учителем».

Одновременно с борьбой в Интернационале, начиная с лета 1872 г., Бакунин, оправившись от разочарования и отвращения, вызванного в нем Нечаевым,

снова занялся русскими и общеславянскими делами. Он попытался создать в Цюрихе польскую секцию, при чем со свойственной ему жаждой пропаганды и агитации и неуменьем разбираться в людях обратился к полякам, ничего общего не имевшим с социализмом. «Распропагандированные» им поляки, темные, невежественные люди, для которых он написал программу в интернационалистском духе, покинули его под влиянием первого же эмигранта из польских националистов. Несколько больший успех имел Бакунин в основанной им сербской группе, с которой он возился с особенной любовью. Некоторые ее члены все же завезли потом на родину семена революционного анархо-социализма.

Но больше всего уделял внимания Бакунин русской эмиграции в Швейцарии. Он основал русскую «секцию», с членами которой в *пределах Швейцарии* вел замысловатую шифрованную переписку и сложную конспиративную игру. Они оборудовали русскую типографию в Цюрихе, где в течение 1873—74 гг. были изданы важнейшие русские сочинения Бакунина: «Историческое развитие Интернационала» (перевод статей, напечатанных Бакуниным в разных европейских газетах и журналах) и особенно «*Государственность и Анархия*», книга, которой суждено было стать настоящим евангелием для целого поколения русских революционеров. После исключения Бакунина из Интернационала целый ряд русских эмигрантов подписал резкий протест против этого и против введенных на Бакунина обвинений. И ореол его среди них после этого тоже увеличился.

В это время в Швейцарию был вызван недавно эмигрировавший за границу будущий известный социалист Лавров. Но из попыток его столковаться с Бакуниным для совместной работы ничего не вышло. Лавров был сторонником мирной пропаганды социализма и долгой предварительной выучки своих сторонников.

А Бакунин издевался над таким «доктринерством» и признавал лишь агитацию в народе в пользу немедленного восстания. После того вся русская учащаяся колония в Цюрихе, из которой вышло потом много знаменитых революционеров, разделилась на *лавристов* и *бакунистов*. Но, несмотря на успех идей Бакунина среди русской эмиграции, число близких ему друзей все уменьшалось, чему не мало способствовали некоторые неприятные черты его характера и то неуменье разбираться в людях, благодаря которому он часто неспособен был ценить действительно преданных ему людей и делал своими доверенными людей хитрых или недостойных. Это вызывало внутренние ссоры, трения и взаимное охлаждение. Это же влияло на настроение самого Бакунина, окрашивая его в мрачный, пессимистический цвет, делая его равнодушным к русским делам. «Да что русские», сказал как-то в 1873 г. Бакунин одному из молодых русских революционеров, «всегда они отличались стадными свойствами. Теперь они все анархисты! На анархию мода пошла. А пройдет несколько лет, может быть, ни одного анархиста среди них не будет»...

Впрочем, общая усталость, старость (Бакунину было в это время около 60 лет), болезни, которые он вынес еще из своих тюрем, и та борьба, которую ему столько времени пришлось выдерживать в Интернационале, несколько подорвали несокрушимую, казалось, энергию Бакунина. Осенью 1873 г. он написал прощальные письма в газетах, одно в буржуазной женевской газете, другое—своим товарищам по швейцарской (так называемой «юрской») федерации Интернационала. В первом из этих писем, обвиняя Маркса в клевете, Бакунин заканчивает: «Признаюсь вам, все это сделало мне политическую деятельность противной. Довольно для меня. После того, как я провел всю свою жизнь в борьбе, я устал. Мне 60 лет слишком,

я страдаю болезнью сердца, которая с годами ухудшается и которая делает мое существование все более и более трудным. Пусть другие—более молодые—работают; что же касается меня, то я не чувствую ни сил, ни, может быть, достаточно необходимой уверенности, чтобы катить Сизифов камень далее против реакции, везде торжествующей. Я ухожу с арены и прошу от моих дорогих современников лишь одной вещи—забвения. Отныне я не нарушу ничьего покоя; пусть и меня оставят в покое».

В прощальном письме к товарищам по фракции Бакунин констатирует торжество анархического Интернационала «против авторитарной интриги», т.-е. против Маркса, и именно потому считает свою роль законченной и просит об отставке. Считая себя «по рождению своему и по личному положению, но не по симпатиям и стремлениям, не чем иным, как буржуа», он, как таковой, может заниматься лишь теоретической пропагандой; но этой пропаганды было, по его мнению, «более, чем нужно для спасения мира, если бы одни идеи могли спасти. Теперь не время для идей, нужны действия, факты». «Если бы я был молод, я поселился бы среди рабочих, я стал бы жить работою, как мои братья, и вместе с ними участвовал в великом деле» организации рабочей силы. Теперь же он не считает себя больше полезным и уходит. «Я ухожу, дорогие товарищи, полный благодарности к вам и симпатии к вашему святому великому делу—делу человечества. Я буду следить с братской тревогой за всеми вашими шагами и преклонюсь с радостью перед всякой вашей новой победой».

Несмотря на эти прощальные письма, Бакунин мечтал все же еще об одной яркой вспышке, о том, чтоб закончить свою жизнь не дома, а в революционном бою, на баррикадах. Реакция в Европе после торжества германского милитаризма и кровавого пода-

вления парижской коммуны укреплялась. Бакунину хотелось перед смертью бросить еще один громкий вызов торжествующему буржуазному миру. Его итальянские друзья-анархисты затеяли повсеместное восстание в Италии, пользуясь озлобленным настроением рабочих и крестьян в течение тяжелой, голодной зимы 1873—74 гг. и рядом местных бунтов. Восстаньи было назначено на август 74 г., и центром его был намечен город Болонья в северной Италии. Бакунин поверил, что все готово для восстания, и надеялся, что оно хоть несколько времени продержится. Но все дело окончилось попыткой небольшой группы революционной молодежи обезоружить железнодорожных жандармов возле Болоньи и испортить самую дорогу. Часть этой группы была арестована, остальные разбежались. Все другие попытки были заранее пресечены полицией. Рабочая и крестьянская масса не присоединилась. Но как только это «восстание» началось, Бакунин немедленно тайком пробрался из Швейцарии в Болонью, чтобы быть лично среди восставших, руководить ими и, если нужно, умереть. Видя полный провал этой затеи, друзья Бакунина тайно вывезли его из Болоньи, спрятав на возу между мешками с соломой, и доставили обратно в Швейцарию. С этого времени, по выражению одного из его русских поклонников, оставивших свои воспоминания о нем, Замфира Ралли, Бакунин, «как устарелый лев, удалился в свою берлогу умирать».

Последние годы Бакунин жил на средства своих друзей, особенно итальянского поклонника Кафиеро, который купил для него дачу в Локарно. Но когда его собственное материальное положение пошатнулось, он вынужден был эту дачу продать; тогда Бакунин переехал в другой городок итальянской Швейцарии—Лугано; там, в ожидании получения от братьев

причитавшейся ему доли отцовского наследства, при помощи займа в банке он купил небольшую дачу, где и жил с семьей. Жизнь эта была в материальном отношении полна лишений и часто подлинной нужды. Во все времена, до самой смерти, жил ли Бакунин одиноким скитальцем или вместе с семьей, он сохранял все привычки нетребовательного старого холостяка, он совершенно не обращал внимания на внешние условия жизни, на пищу, квартиру и т. д. Ему нужен был лишь табак и чай, которые он потреблял в громадном количестве.

Семейная жизнь его сложилась тяжело: жена была человеком, совершенно чуждым ему по духу, и у нее, кроме того, были свои привязанности.

И в Локарно и в Лугано Бакунин пытался заняться огородничеством; но больше всего ему нравилось разведение лягушек в ямах с водой — их музыка напоминала ему русскую деревню, по которой он на старости очень тосковал.

Его сильно мучили все усиливавшиеся болезни: кроме ожирения сердца и одышки, от которой страдала его огромная грузная фигура, у него была в последнее время и болезнь мочевого пузыря, причинявшая ему неимоверные страдания в течение целых часов. Но, несмотря на все это, несмотря на тяжелую бессонницу, Бакунин переносил эти страдания с большой стойкостью, и в те моменты, когда боли оставляли его, к нему возвращались обычная веселость и юмористическое настроение или же тот революционный жар, который был ему свойствен, когда он говорил об общественных делах.

А эти общественные дела доставляли ему все больше огорчений. Революционный период Европы, период войн за национальное освобождение и рабочих восстаний, период, который характеризовался освобождением крестьян в России и войной за освобождение не-

вольников в Америке, падением империи Наполеона и образованием единой Германской империи, уничтожением австрийского владычества в Италии и восстановлением итальянского единства, развитием Интернационала, парижской коммуной и непрерывными революциями в Испании,—этот период явно кончался на глазах Бакунина. Наступала долгая эпоха, предсказанная им самим, эпоха торжества развивающегося капитализма и медленного роста *мирного* рабочего движения. Бакунин чувствовал, что для его идей, для идей немедленной разрушительной социальной революции нет больше почвы в данный момент. А в созданном им анти-марксовском Интернационале также были нелады: начиналась вражда между чистыми анархистами и социалистами, которые понемногу в вопросах программы и тактики переходили к марксизму.

Но главное было то, что рабочие *массы* явно не шли за этим Интернационалом. Это *общественное одиночество* сопровождалось для Бакунина и тяжелым *личным* одиночеством. Общественный упадок и тяжелые часто черты характера самого Бакунина создали охлаждение между ним и ближайшими его русскими и итальянскими друзьями. После неудачной попытки болонского восстания он жил одинокий в Лугано, и лишь небольшая группа эмигрировавших из Италии рабочих анархистов, восторженных поклонников Бакунина, относившихся к нему с почти религиозным преклонением, окружала Бакунина и нежно заботилась о нем.

Все эти обстоятельства сильно отразились на его настроении. «Ты воображаешь, что революция это красиво?»—сказал он как-то одной своей русской поклоннице, навещавшей его в Лугано незадолго до смерти: «ох, как это противно вблизи!» А за несколько дней до смерти, в ответ на сожаление, высказанное одним из его старых швейцарских друзей, что он не написал воспоминаний, Бакунин с горечью заметил: «Скажи-ка

для кого я стал бы их писать? Нестоит открывать рта. В настоящий момент народы всех стран утеряли революционный инстинкт».

Между тем выяснилось, что денег, которые Бакунин получил от братьев, нехватит на уплату долгов. Тогда решено было продать дачу в Лугано и переселиться в Неаполь. Жена Бакунина уехала хлопотать о разрешении ему поселиться в Италии, куда после болонского восстания он, конечно, не мог явиться, а сам Бакунин отправился на это время в Берн—«полечиться». Снова начиналась для него скитальческая жизнь. Но на этот раз не надолго.

1-го июля 1876 г. Бакунин умер в Берне.

IV.

Идейное наследство Бакунина.

При жизни Бакунина было издано не много его сочинений. Кроме указанных выше его брошюр на русском, французском и итальянском языках, он напечатал лишь ряд статей в газетах и журналах. Но главной формой его агитационной и пропагандистской деятельности были *письма*. Он написал их огромное количество, и сверх того много писем и статей остались у него неоконченными и неотосланными, при чем все они изложены прекраснейшим французским языком. Лишь много лет после смерти Бакунина, в 900-х годах, это литературное наследство его было собрано и издано на французском языке в шести томах его другом и биографом, швейцарско-французским анархистом Гильомом. А письма его русским друзьям—Герцену и Огареву, также представляющие большую литературную ценность и большое значение для характеристики общественных взглядов Бакунина, были изда-

ны впервые за границей известным эмигрантом, демократом и федералистом Драгомановым.

Каковы же те взгляды, те идеи, которые исповедывал и проповедывал Бакунин? Создал ли он стройную социальную систему, выработал ли общественное миросозерцание, которое могло бы в какой-нибудь степени быть противопоставлено учению Маркса?

На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ. При всем обилии написанного Бакуниным все его идейное наследство сводится, в сущности, к весьма небольшому числу мыслей, которые он повторяет на все лады с утомительным однообразием, но всегда со страстной убежденностью. Все эти мысли притом носят скорее лишь *отрицательный* характер. Хотя, по словам Бакунина, «страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть», но, подобно большинству анархистов, родоначальником и учителем которых он являлся, Бакунин знал хорошо, чего он *не* хочет, что он отрицает и разрушает, но не всегда сам отдавал себе отчет в том, *чего он хочет*, каков тот общественный идеал, который он противопоставлял Марксу. Ибо проповедь абсолютной свободы личности не может служить достаточной общественной программой, а идея непрерывной революции не заменяет политической тактики.

Впрочем, в целом ряде идей и вопросов Бакунин целиком примыкал к Марксу и лишь проводил и популяризировал его взгляды, в чем сам нередко охотно признавался.

В области философии, в противоположность взглядам своей молодости, Бакунин стал решительным *атеистом* и *материалистом* и много усилий употребил на борьбу с религией и идеалистическими предрассудками. Мало того, Бакунин был атеист *воинствующий*. Он вел борьбу с Богом, как с личным врагом, и, как мы

видели, ставил атеизм во главу програмы основанного им общества «интернациональных братьев» *).

Далее Бакунин целиком усвоил и проводил в своих сочинениях марксовский *исторический материализм*, или материалистическое понимание истории, правда, в несколько упрощенном понимании. «В основании самых абстрактных, высоких и идеальных теологических (богословских) споров и религиозных войн,—говорит Бакунин,—всегда был какой-нибудь крупный материальный интерес. Все расовые, национальные, государственные и классовые войны никогда не имели другой цели, кроме владычества, являющегося необходимой гарантией и условием обладания имуществом и пользования им. Человеческая история, рассматриваемая с этой точки зрения, является не чем иным, как продолжением великой жизненной борьбы, составляющей, согласно Дарвину, основной закон органической природы». В другом месте, излагая материалистическую теорию Маркса, Бакунин вполне к ней присоединяется и заключает: «Да, вся умственная, нравственная, политическая и социальная история человечества есть лишь отражение ее *экономической* истории».

Полностью принимал Бакунин также и экономическое учение Маркса. Его восторженный отзыв о главном труде Маркса, знаменитом «Капитале», стоит того, чтобы привести из него более или менее значительные выдержки. По его мнению, нет ни одного другого сочинения, которое давало бы «такой глубокий, такой ясный, такой научный, решительный и столь безжалостно разоблачающий разбор образования буржуазного капитала и той систематической и жестокой эксплоатации, которую этот капитал постоянно приме-

---

*) В противоположность Богу, которого он ненавидел, Бакунин охотно восхвалял Сатану (конечно, как литературный образ), которого называл *«вечным бунтовщиком, первым свободным мыслителем и освободителем миров»*.

няет к труду пролетариата... Это произведение есть не что иное, как смертный приговор, научно обоснованный и окончательно произнесенный не над отдельными капиталистами, но над буржуазией, как классом».

Через Бакунина экономическая теория и материалистический метод объяснения исторических явлений был воспринят и русскими революционерами 70-х годов, бунтарями-народниками, которые «Капитал» Маркса, появившийся в русском переводе в 1872 г., ставили на одну доску с «Государственностью и анархией» Бакунина. Бакунин же был первым, кто перевел на русский язык «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и сделался, таким образом, проводником их идей в России. Этим отчасти объясняется та легкость, с какой столь верные тогда последователи Бакунина, как Плеханов, Аксельрод, Дейч, Засулич и другие, сделались впоследствии марксистами и основателями русского марксизма, русской социал-демократии.

Что резко отличало Бакунина от Маркса,—это его отношение к государству, государственной власти и политической деятельности рабочего класса. Правда, и в глазах Маркса современное государство есть лишь организация классового господства, есть орудие в руках привилегированного меньшинства для подавления и угнетения трудящихся масс. И по Марксу, с исчезновением классов исчезнет и государство. Но для марксистов не безразличны разные формы государственного строя: для них конституционное государство вообще, а особенно демократическая республика, есть та форма, которая предоставляет пролетариату больше свободы и организационных возможностей для борьбы за его окончательное освобождение. Наконец, первым решающим этапом на пути к этому освобождению маркси-

сты считали и считают завоевание рабочим классом политической власти, *«диктатуру пролетариата»*.

Для Бакунина, наоборот, всякое государство есть абсолютное зло. Если он и является республиканцем, то для него слово «республика» не имеет другой цены, кроме цены *чисто отрицательной*: оно означает разрушение, уничтожение монархии». Государство демократическое может оказаться даже хуже монархии: «именно потому, что оно будет облечено в широкие демократические формы, оно сильнее и гораздо вернее будет гарантировать хищному и богатому меньшинству спокойную и широкую эксплоатацию труда». Критикуя политическую программу германских социал-демократов, требовавших «народного государства», Бакунин писал: «Государство, называйся оно хоть десять раз народным и будь оно разукрашено наидемократичнейшими формами, для пролетариата будет непременно тюрьмой».—«Нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы».

Ибо главная основа демократического государства, всеобщее избирательное право, по мнению Бакунина— *обман*, как и всякие другие политические права. Оставаясь невежественными и экономически порабощенными, народные массы не могут использовать всеобщее избирательное право в своих интересах. Опыт истории, говорит Бакунин, подтверждает, что и при всеобщем избирательном праве массы сплошь и рядом выбирали своих классовых врагов. А если бы и было возможно, чтобы, наученные горьким опытом, рабочие перестали выбирать буржуа в законодательные и учредительные собрания, а стали посылать туда простых рабочих, то и тогда «работники - депутаты, перенесенные в буржуазные условия существования, в буржуазную атмосферу политических идей, перестанут быть настоящими работниками, сделаются госу-

дарственными людьми, в конце концов превратятся в буржуа и *превзойдут в этом отношении даже настоящих буржуа*».

Поэтому Бакунин является самым решительным противником участия рабочих в парламентских выборах и участия в каких бы то ни было представительных учреждениях. Но он идет еще дальше. Отрицая всякую государственную власть,—ибо где есть государство, говорит он,там есть господство одних и рабство, угнетение, эксплоатация других,—Бакунин столь же решительно отрицает и чисто рабочую власть, диктатуру пролетариата. «Если бы завтра учредили правительство и законодательный совет, парламент *исключительно из одних лишь рабочих*, то эти рабочие, сегодня твердые демократы и социалисты, после завтра стали бы определенными аристократами, смелыми или робкими поклонниками принципа власти, угнетателями и эксплоататорами». Такие рабочие, правители или представители народа, «перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом».

Поэтому Бакунин рекомендует не завоевывать государственную власть, а *уничтожить ее* и в корне разрушить всякое государство, «всякую политическую организацию», которая всегда «ведет роковым образом к отрицанию свободы». Не представляет для Бакунина исключения и «*революционное* государство»: «революционное государство—это реакция, скрывающаяся за революционной внешностью». Поэтому Бакунин также враг «революции при помощи декретов», враг вообще какого бы то ни было управления сверху. Полное уничтожение государственного строя и свободный союз свободных общин—вот, как мы уже знаем, общественный идеал Бакунина.

Чтобы уяснить себе классовое происхождение и значение этого идеала, составляющего основу анархизма, посмотрим, от каких классов преимущественно ждал Бакунин осуществления своего идеала. В то время, как марксисты являются партией рабочего класса, пролетариата, и на него возлагают все свои надежды в деле осуществления социализма, мы видели, что Бакунин не хотел господства этого класса, не доверял ему. Главные его надежды были обращены к крестьянству. По мнению Бакунина, наблюдавшееся до тех пор в истории враждебное отношение крестьян и рабочих есть «великое недоразумение». Крестьяне в сущности глубоко революционны. Бакунин противопоставляет даже «буржуазному и доктринерскому социализму городов» «*примитивный, дикий* социализм деревни».

Во время франко-прусской войны, предлагая поднять во Франции социальную революцию, он рассчитывал именно на крестьян: «Единственно, что может спасти Францию... это—стихийное, могучее, страстно энергическое, анархическое, разрушительное и дикое восстание народных масс на всей территории Франции». Для того, чтобы крестьянин поднялся, надо только *уметь подойти к нему*. Надо прежде всего прекратить «терроризм городов против деревень», который всегда практиковался до сих пор и который «убивает революцию». Необходимо отказаться от насильственного навязывания крестьянам городской цивилизации, даже от насильственного навязывания социализма. «Ибо революция перестает быть таковой, когда она действует деспотически, когда она вместо того, чтобы возбуждать массы к свободе, вызывает в них реакцию».

Рабочие, идя в деревню с проповедью социальной революции, должны спокойно и терпеливо рассеивать предрассудки и озлобление против города, веками накопившиеся в крестьянской душе. При этом необходимо приспособляться к психологии крестьянина и его

исконной нелюбви к государственному принуждению. «Крестьяне»,—говорит Бакунин,—«любят землю, пусть заберут всю землю и выгонят оттуда всех собственников, обрабатывающих ее чужим трудом. У них нет никакой охоты платить гипотеки и налоги. *Пусть не платят их.* Пусть те из них, которые не хотят платить своих частных долгов, не принуждаются к их платежу. Наконец, они терпеть не могут рекрутчины, *пусть их не заставляют итти в солдаты*».

При таких условиях, по мнению Бакунина, «*ничего не стоит поднять любую деревню*». «Крестьянин ненавидит все правительства. Он их терпит из благоразумия», платя налоги и давая своих сыновей в солдаты, так как не видит способа избавиться от этого.

Итак, уничтожение государства и всего государственного аппарата, «уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов, организация *разнузданной чернорабочей черни,* всего освобожденного человечества, создание нового общественного мира»,—вот тот идеал, который, по мнению Бакунина, явится в результате всеобщего крестьянского восстания и который на самом деле отвечает смутному, инстинктивному протесту крестьянина, особенно в отсталых странах, как Россия и Италия, против закрепостившего его бюрократического государства и эксплоатирующего его капитала.

Свою веру в революционность крестьянства Бакунин соединял со своей антигосударственностью и резко выдвигал их против взглядов германских социалистов. По его мнению, «для коммунистов или социал-демократов Германии, „крестьянство, всякое крестьянство есть реакция; а государство, всякое государство, даже бисмарковское—революция». Нечего добавлять, конечно, что в такой категорической форме это утверждение является грубым искажением марксизма.

Другим классом или слоем общества, на который Бакунин возлагал свои революционные надежды, были *«босяки»*, *«люмпенпролетариат»*, вообще все деклассированные, выбитые из колеи, из своего класса элементы, в частности деклассированная демократическая интеллигенция, от которой Бакунин ждал больших революционных дел.

Это—люди, которые ничем не связаны с современным обществом, которые не занимаются постоянным производительным трудом, которые промышляют случайной работой, милостыней и даже воровством и грабежами. Для них общество, в котором они играют роль париев, роль отверженных, вся многовековая культура человечества (как отчасти и для крестьян отсталых стран) лишь предмет ненависти, лишь объект разрушения, и идеалы социальной справедливости они понимают, как непосредственную «экспроприацию» или «дележку». Именно их и считал Бакунин настоящими революционерами, тогда как к рабочим, занятым в промышленности, относился с некоторым недоверием, как к людям, уже зараженным «буржуазностью».

«Может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии,—писал Бакунин.—В Италии не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, *уже отчасти привилегированного*, благодаря значительному заработку, хвастающего даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением». В Италии «преобладает тот *нищенский пролетариат*, о котором гг. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии отзываются с глубочайшим презрением и совершенно напрасно, потому что *в нем и только в нем, отнюдь же не в вышеозначен-*

ном буржуазном слое рабочей массы заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции».

Что касается России, то Бакунин видел все недостатки, все темные стороны русской *общины*, на которую Герцен, а впоследствии и наши народники смотрели, как на зародыш социализма. Бакунин (в письмах к Герцену) резко нападал на то порабощение и принижение человеческой личности, которому подвергала своих членов община, или деревенский «мир». Зато он находил в России революционные элементы *вне* официального крестьянства, в лице раскольников, сектантов и т. д. и, наконец, в лице *уголовных преступников*. Единственное лицо, которое «смеет итти против мира, это *разбойник*. Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России; Пугачев и Стенька Разин были разбойники».

Ожидая крестьянского восстания в России, Бакунин находит для него предводителя и руководителя в лице «образованной молодежи», этого «*коллективного Стеньки Разина*», этих «беспардонных юношей, не находящих себе ни места ни возможности занятий в России».

Такую же молодежь, которая «очертя голову бросается в революционный социализм», находит Бакунин и в Италии: «пылкая, энергическая молодежь, совершенно выбитая из колеи, без видов на карьеру, без выхода, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена в нравственном и умственном отношении, подобно буржуазной молодежи других стран».

Таким образом, босяцко-крестьянская стихия, и притом преимущественно в отсталых и бедных странах,—вот для Бакунина основа будущей социальной революции. Мелкое крестьянское хозяйство—это та форма производства, которая переживала до сих пор все революции и все режимы, и об организации которой

заботиться не приходится. А для деклассированных элементов рабочего класса и интеллигенции производство вообще—чужое дело. Их интересуют только вопросы распределения. Поэтому марксистов, опирающихся на сознательных промышленных рабочих, которые смотрят на капитал, на средства производства, как на будущее общественное достояние, больше всего интересовали и интересуют *вопросы производства*; сам социализм в понимании марксистов, с экономической точки зрения, это—*общественная организация производства*; наоборот, для Бакунина, как и для многих последующих анархистов, этих вопросов не существовало вовсе. Единственная конкретная экономическая мера, которой требовал он от государства раньше его разрушения, это была *отмена права наследования*, т.-е. опять-таки мера не в области производства, а в области распределения богатств; это был пункт программы, принятия которого он настойчиво добивался в Интернационале, и на который смотрел, как на средство постепенно и безболезненно уничтожить частную собственность и ввести социализм в его «вольном союзе общин».

В одном месте своих сочинений Бакунин, правда, высказывается в пользу экономической централизации, т.-е. в пользу крупного производства. Но это лишь одно из многочисленных противоречий в учении Бакунина. Ибо как совместить крупное производство, обслуживающее обширный район, занимающее массы рабочих и нуждающееся в доставке сырья, с полным уничтожением всякой централизации управления, всякого руководства из центра,—это секрет Бакунина и его последователей. Бакунин же представлял себе переход к социализму, кроме отмены права наследства, еще в форме «*сожжения всех бумаг, для того, чтобы уничтожить семью и собственность с юридической стороны*». Такое «уничтожение собственности» должно

происходить во время непрерывных крестьянских бунтов, которые, при помощи «пропаганды со стороны городов» в конце концов приведут, «не прибегая к декретам и законам», к такому развитию и совершенствованию жизни, «о каком мы теперь только можем мечтать».

Нельзя сказать, чтоб эта программа отличалась ясностью, определенностью и последовательностью. Мы уже видели другие примеры такой же неустойчивости и непоследовательности со стороны Бакунина, который еще в 1867 г. предлагал союз с буржуазными демократами, который, при всей своей ненависти к «революции посредством декретов» и ко всякой революционной власти, сам осуществлял эту власть и издавал декреты в Лионе в 1870 г. и предлагал даже созвать «революционный конвент». Но едва ли не самое крупное внутреннее противоречие в мировоззрении Бакунина составляют его взгляды на национальный вопрос.

В самом деле, Бакунин искренне считал себя интернационалистом. Он проповедывал разрушение всех государств и братский союз народов. Но между народами у него были народы-любимцы и были народы-враги, для которых он находил лишь самые мрачные краски. Так, он прежде всего питал пристрастие к *славянам* и, хотя не был панславистом в официальном смысле этого слова, каким его считали враги, т.-е. сторонником объединения славян под властью России, хотя он звал славян к полному разрушению и уничтожению царской империи, но все же важнейшей задачей своей жизни он считал объединение славянства *без различия классов* и его борьбу с *германской* нацией. Далее, возлагая большие революционные надежды на французов и особенно на итальянцев, он Германию ненавидел острой ненавистью и видел в ней лишь одни отрицательные стороны, как бы мстя ей за свои юноше-

ские увлечения германской философией и вообще германским «национальным духом».

Для Бакунина весь германский народ—прирожденные лакеи и рабы. Ни в одной стране нет такого бюрократизма, такого милитаризма, такого культа столь ненавистной Бакунину государственности. Эту «государственность» немцев Бакунин особенно противопоставляет анархическим, антигосударственным стремлениям славян. «Вовсе не Россия, говорит Бакунин, а Германия, начиная с 16 в. и вплоть до наших дней, была постоянным источником и школою государственного деспотизма в Европе. Из того, что в других европейских государствах было простым фактом, Германия сделала систему, доктрину, религию, культ».

Для Бакунина даже русские офицеры выше немецких. В начале франко-прусской войны Бакунин предпочитал победу Наполеона, ибо при всем его деспотизме в нем чувствуется все же «дух» Франции, который бесконечно выше казарменной Германии. И всю эту ненависть к Германии Бакунин сеял в побежденной Франции, и без того отравленной узким национализмом!

Как справедливо указывает Ю. Стеклов, наиболее обстоятельный в русской литературе исследователь и критик Бакунина, именно франко-прусская война вызвала особенную литературную плодовитость Бакунина, который до того писал сравнительно очень мало. Зато все написанное им после 1870 г. так или иначе связано с Германией, дышит ненавистью ко всему немецкому. Бакунин старается вызвать эту ненависть и в своих читателях. Правда, он иногда оговаривается, что делает исключение для немецких пролетариев и даже хвалит мужественное поведение Вильгельма Либкнехта и Бебеля во время войны. Но в других местах он и немецких рабочих считает отравленными ядом германского национального духа, а немецких

социалистов прямо ненавидит. Самого Маркса он считал германским патриотом, «пангерманистом», делающим по существу, лишь с другой стороны, ту же работу, что и Бисмарк. Он ставил в вину Марксу его вражду к России.

Справедливость требует признать, что и германские социалисты платили Бакунину той же монетой. Именно они преследовали его всю жизнь, именно они считали его деятельность реакционной.

Но еще более пристрастно и односторонне, чем к немцам, относился Бакунин к евреям. Его многочисленные выходки против евреев носят характер самого грубого и вульгарного антисемитизма, такого, какой впоследствии можно было встречать лишь в открыто реакционной, черносотенной русской печати. Он считал всех евреев эксплоататорами и паразитами и видел в них лишь одни недостатки. Все евреи, к каким бы партиям они ни принадлежали, связаны между собой общностью интересов и только этим интересам и служат. Все, что Бакунину не нравилось в Марксе и Лассале, он объяснял, кроме их германского патриотизма, еще их еврейским происхождением (не видя в этом противоречия). Маркс, по его словам, был окружен целой «сворой жидков» (к их числу Бакунин в своем слепом озлоблении причислял даже чистокровного немца Либкнехта, в этом тоже уподобляясь нашим реакционерам, которые охотно причисляли всех своих противников к евреям), и эти «жидки» были способны на всякую низость. «Этот еврейский мир",—говорит Бакунин,—ныне большею частью служит, с одной стороны Марксу, а с другой—Ротшильду. *Я убежден, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой—Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам*». В этом чудовищном утверждении Бакунин даже перещеголял всех позднейших русских антисемитов. Неудивитель-

но, что при такой чисто средневековой дикости взглядов Бакунина социалисты школы Маркса всегда смотрели на него, как на русского варвара, затесавшегося в среду европейских социалистов.

Этот антисемитизм Бакунина объясняется целиком его дворянским и офицерским воспитанием и юношескими впечатлениями в местечках Западного края, где русское чиновничество и офицерство встречалось с худшими представителями еврейства, еврейскими «факторами», специализировавшимися на угодничестве перед властями. Этот антисемитизм, хотя, может быть, и не в такой сильной степени, как у Бакунина, характерен для всего *дворянского* периода русской литературы. Полной противоположностью этому дворянскому, аристократическому отношению к евреям является беспристрастное и гуманное отношение другого великого русского мыслителя и революционера той эпохи—Чернышевского, представителя новой, «равночинной», т.-е. плебейской, антидворянской литературы*).

Главная *сила* Бакунина и историческое значение его личности заключаются не в его анархической программе, туманной и расплывчатой, а в той *страсти к разрушению*, которую он сделал своим лозунгом еще в 1842 г., в неустанной проповеди всеразрушительной социальной революции, непрерывного *бунта* против всякой власти, против всех и всяческих авторитетов.

«Мы понимаем революцию в смысле разнуздания того, что теперь называют дурными страстями»,—писал Бакунин одному из своих друзей. Эта разнузданная стихия никого и ничего из старого мира не должна щадить,—из недобитых остатков старого может вновь возродиться разрушенный революцией строй.

*) См. мою брошюру: «Евреи в произведениях русских писателей», Петерб. 1817.

Поэтому Бакунин отрицает самым резким образом путь мирной политической деятельности, путь борьбы за реформы. Поэтому он единственно правильным считает «другой путь—боевой, бунтовской. В него мы верим и только от него мы ждем спасения».

Он отрицает также *какую бы то ни было программу-минимум*, какой бы то ни было даже временный компромисс; он отвергает борьбу за политическую свободу, отвергает даже политическую революцию, как предварительное условие и средство для революции социальной. В его глазах только полная и окончательная социальная революция имеет цену. «Всякая политическая революция»,—пишет Бакунин,—«которая совершается раньше и, следовательно, *вне* революции социальной, будет по необходимости революцией буржуазной, а буржуазная революция может вызвать лишь *буржуазный социализм*».

«Буржуазными социалистами» считает Бакунин Маркса и марксистов, которых он обвиняет не только в мнимой «государственности», не понимая, что для Маркса уничтожение государства должно быть завершением, результатом социальной революции, а не ее началом; он обвиняет их и в «умеренности», в готовности сотрудничать с буржуазной демократией, в боязни настоящей революции, в отсутствии революционного чувства. Он так уверен в этом, что страстный, пламенный манифест Маркса в защиту французской коммуны 71 г. и коммунаров объявляет *лицемерием*.

После своего исключения из Интернационала Бакунин писал об отношении марксистов к парижской коммуне: «Вопреки самой простой логике и своим действительным чувствам, они заявили, что программа и цель этого восстания были их программой и целью. Это был *маскарад, шутовской, но вынужденный*». Бакунин был вместе с тем убежден, что, получив власть, Маркс действовал бы так же, как все буржуазные и

даже царистские усмирители восстаний. «На этой почве все они подают друг другу руки, Муравьев и Гайнау, Бисмарк и Тьер, Гамбетта и *даже сам г. Маркс*, если его когда-либо призовут управлять государством».

Бунт и восстание Бакунин считал полезными при всяких условиях, даже если они обречены на явную неудачу. «Пусть нас разобьют раз, десять раз, двадцать раз, но если в двадцать первый раз народ нас поддержит, то жертвы окупятся». Маленькие, хотя бы и неудачные бунты должны были, по мнению Бакунина, служить «*пропагандой действиями*», которую потом особенно охотно проповедывали и применяли анархисты. Но к индивидуальному террору, к убийству отдельных лиц Бакунин относился отрицательно.

Отвергая так решительно политическую борьбу и признавая лишь непосредственную социальную революцию, Бакунин в *области экономической* допускал борьбу хотя бы за самые маленькие уступки, так как экономическая борьба, думал он, не сближает рабочих с буржуазными политиками и не усыпляет революционного сознания и чувства рабочих, а толкает их все дальше и дальше к решительной схватке со всем буржуазным обществом. Эти взгляды Бакунина впоследствии заимствовали так называемые революционные синдикалисты или анархо-синдикалисты.

Анархическая программа и бунтарская тактика Бакунина были отражением стремлений тех отсталых—крестьянских, рабочих или босяцких—масс, на которые он собирался опереться в своей революционной борьбе. Эти слои общества, придавленные всем полицейски-бюрократическим и капиталистическим аппаратом, не научившиеся еще использовать буржуазную культуру и буржуазное государство в *своих* целях, видят в них своих злейших врагов и жаждут лишь их

разрушения. Недаром крупные рабочие движения в раннюю эпоху их развития (в Европе в начале XIX в. и в России в 70-х и 80-х гг.) принимали нередко форму разрушения машин, разгрома фабричных помещений, а иногда и погромов на национальной почве. Эти чувства темной, слепой народной стихии, полной злобы и ненависти против угнетающего ее строя, но не имеющей еще ясно выработанной программы действий, организационных навыков и умудренной опытом тактики,—и отражала бунтарская натура Бакунина, который сам был деклассированным русским дворянином,—отражала вплоть до антисемитизма, этого, по выражению Бебеля, «социализма дураков».

Поэтому в борьбе между Бакуниным и Марксом, говоря словами Ю. Стеклова*), «столкнулись между собою две идеологии, соответствовавшие двум этапам одного и того же всемирного движения, из которых одна выражала инстинктивный и бурный в своей инстинктивности порыв пролетарской массы, только пробуждающейся к самостоятельной деятельности, а вторая—сознательное стремление окрепшего и обогащенного опытом пролетариата к своему верному освобождению, путем планомерного действия, организации и использования всех социальных и политических возможностей реальной действительности». Учение Бакунина зародилось и деятельность его протекала в *революционную* эпоху европейской истории, в эпоху войн и революций, когда смутно дремлющие в мирное время чаяния самых глубоких и обездоленных народных слоев начинают проявляться наружу, и нетерпеливым умам кажется, что наступает момент полного их освобождения. «Если когда-либо, продолжает Стеклов, и могла возникнуть надежда на непосредственный переход от феодально-полицейской реакции к

*) «Интернационал», ч. I, стр. 114—116.

трудовому режиму, к полному социально-политическому освобождению трудящихся масс, так это именно в момент перелома».—И далее: «*Колоссальная историческая фигура Бакунина и была стихийным выражением этого критического перехода от добуржуазного режима к буржуазному* (курсив Стеклова), той социальной, политической и идейной неустойчивости, которая вызывалась этим кризисом, поражением старого господствующего класса и слабостью (как оказалась, только видимой) нового командующего класса, теми смутными, но грандиозными надеждами, которые порождались хаотическим брожением этого переходного периода, стоявшего на рубеже двух исторических эпох».

Этим объясняется как самое возникновение бакунинских идей, так и их сравнительный успех в конце 60-х и начале 70-х гг. в более отсталых странах Европы. Бакунину казалось—и он писал это в начале франко-прусской войны,—что, будучи незначительной группой, его сторонники могут в благоприятном случае, т.-е. в случае восстания, иметь «колоссальное» значение «по количеству своих *инстинктивных* приверженцев, по тем народным массам, потребности коих эта группа представляет лучше, чем какая бы то ни было другая партия».

Что было бы при данных условиях, если бы идеи Бакунина увлекли за собой рабочие массы, вытеснив марксизм? Ответим на это словами Стеклова*): «Если бы победа выпала на долю Бакунина и его крестьянско-босяцкой идеологии, рабочее движение сразу лишилось бы всех достигнутых с таким трудом завоеваний и было бы отброшено далеко назад».

Бакунину не пришлось видеть торжества его идей. Наоборот, как мы видели, уже в октябре 1870 г., после

---

*) «Просвещение», 1914 г., № 6, статья «Маркс и Бакунин».

неудачи его Лионской попытки, он испытывал глубокое разочарование. Но его бурная, революционная натура не могла долго жить без революционного *дела*, и от ожидания близкой социальной революции он постепенно перешел к необходимости «пропаганды действием», необходимости исполнения лишь революционного долга.

Предсказанный им период 50-летней реакции продолжался всего 35 лет, до русской революции 1905 г. Если это и не был период действительной реакции, то это был во всяком случае период мирного, медлентого развития рабочего движения, период его *парламентских успехов*, т.-е., с точки зрения Бакунина, еще, пожалуй, хуже подлинной реакции, так как, по его мнению, парламентская борьба лишь развращает рабочий класс.

Но с 1905 г. начинается новая революционная эпоха во всемирном масштабе, захватившая сперва Россию и Азию (революции в Персии, Турции и Китае), вызвавшая мировую войну и ту мировую революцию, начало которой снова положила Россия. На поверхность исторической жизни—впервые в мировой истории—поднялись самые глубокие, самые низинные слои народных масс, озлобленные вдобавок до последней степени чудовищной бойней, этим варварским преступлением всего капиталистического общества. В такой великий, трагический момент революционные идеи Бакунина не могли не встретить отклика в взбудораженной революционной стихии...

V.

Бакунизм в Европе и в России.

Непосредственное идейное и организационное влияние Бакунина в Западной Европе выражалось в течение всех 70-х годов в форме созданного им анархи-

ческого интернационала, пережившего почти на целое десятилетие Интернационал Маркса и действовавшего и после удаления Бакунина от политической жизни и после его смерти. Это же влияние сказалось и в ряде восстаний бакунистского типа в Италии и Испании.

Тотчас после Гаагского конгресса Интернационала, на котором бакунисты были исключены, начинается распад старого Международного Общества Рабочих. Его Генеральный Совет переносится из Лондона в Нью-Иорк и постепенно утрачивает всякие связи с Европой. А в самой Европе, кроме ряда швейцарских секций, а также итальянских, испанских и отчасти французских, к бакунистскому интернационалу присоединяются в первой половине 70-х гг. бельгийцы, голландцы и некоторые англичане,—из-за недовольства «авторитарной», т.-е. «начальнической» тактикой Маркса внутри Интернационала. Маркс и Энгельс не придавали этим победам бакунинского направления большого значения. Они видели, что рабочее движение во всех странах принимает новые формы, которым стало тесно в рамках прежней международной организации.

Они видели также, что бакунинский Интернационал объединяет слишком разнородные элементы, часто по прямо противоположным причинам недовольные марксистами, и понимали, что и его положение непрочно. В самом деле, если первый после Гаагского раскола конгресс бакунистов в Сент-Имье принял чисто бакунистскую программу, то впоследствии, по мере включения в этот новый Интернационал более живых и связанных с рабочим движением элементов, как бельгийцы и англичане, на конгрессах его стали все более проявляться резкие принципиальные разногласия.

Уже на следующем конгрессе бакунистов в Женеве осенью 1873 г., который постановил совершенно упразд-

нить ненавистный им Генеральный Совет, произошла первая стычка между анархистами и социалистами. «Анархия,--сказал английский делегат,—это закон смерти, а коллективизм—закон жизни». Один швейцарский рабочий-анархист требовал, чтобы в Интернационал допускались лишь люди физического труда, ибо «нам не надобно людей, которые слишком много знают и сбивают нас с толку своими красивыми фразами»; против него решительно возражали даже анархисты.

Этот конгресс постановил впервые считать *всеобщую стачку* главным средством будущей социальной революции, и с тех пор проповедь всеобщей анархической стачки заняла важнейшее место в пропаганде анархистов, хотя сам Бакунин не придавал ей большого значения, выдвигая главным средством борьбы *бунт, восстание*, что более соответствовало свойствам его натуры.

Еще через год на конгрессе в Брюсселе уже разгорелась борьба в новом Интернационале по основному принципиальному вопросу—об участии рабочих в политической борьбе, о значении для рабочего политической свободы. Эта борьба постепенно все расширялась, пока не привела к новому распаду, к отделению анархистов и социалистов, которые в большинстве, как бельгиец Де-Пап, как француз Жюль Гед и итальянец Коста, снова вернулись к марксизму.

Бакунисты отрицали не только какую-либо политическую деятельность пролетариата, если она не имеет своей целью непосредственное разрушение всего капиталистического строя. Они относились враждебно и к кооперации, считая, что она плодит лишь «новых буржуа», и к *фабричному законодательству*, так как оно исходит все от того же ненавистного им государства.

С другой стороны, принятый ими лозунг всеобщей стачки мог быть применяем лишь при массовом рабочем движении. Но массы все менее шли за бакунистами, которые все более превращались в оторванную от жизни секту. Поэтому, чтобы чем-нибудь проявить себя, бакунистам оставалось лишь прибегать к излюбленному средству самого Бакунина — организации местных, главным образом крестьянских бунтов и восстаний.

Единственной серьезной и сколько-нибудь продолжительной попыткой восстания, опирающегося на *рабочих*, было восстание бакунистов в *Испании* во время революции 1873 г. Но именно там они проявили полную политическую неустойчивость, беспринципность, противоречивость, и восстание кончилось моральным провалом. Энгельс тогда же подверг тактику испанских бакунистов беспощадной критике в особой статье «Бакунисты за работой», которая заканчивается следующими выводами.

«Бакунисты были вынуждены, как только они очутились лицом к лицу с серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу. Прежде всего они пожертвовали учением об обязательности политического и особенно избирательного воздержания. Затем последовала анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они напротив попытались создать ряд новых маленьких государств. Далее, они отказались от положения, что рабочие не должны принимать участия в такой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение пролетариата, и принимали участие в заведомо чисто буржуазном движении... Ни бакунисты сами, ни руководимые ими массы не имели никакой программы, вступая в движение, или вообще не знали, чего они хотят». В результате «бакунисты либо препятствовали самому возникновению дви-

жения... либо были вовлечены в разрозненные, лишенные плана нелепые восстания... Ультрареволюционные выкрикивания бакунистов, как только дошло до дела, вылились, стало быть, или в уклонение от этого дела, или в безнадежные с самого начала восстания или в присоединение к буржуазной партии... От так называемых принципов анархии, свободной федерации независимых групп и пр. не осталось ничего, кроме безмерного и бессмысленного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству с помощью горсти войск привести в покорность один город за другим почти без сопротивления... Словом, бакунисты в Испании дали нам бесподобный образчик того, как *не* следует делать революцию».

Что касается попыток крестьянских восстаний, организованных бакунистами в Италии, то они кончались еще более плачевно. Об одной из таких попыток, о «Болонском восстании», в которое бакунисты вовлекли даже своего умирающего вождя, мы уже знаем. Другая наиболее известная из таких попыток произошла уже после смерти Бакунина в 1877 г. в итальянской провинции Беневенте, при чем в ней принимал самое активное участие *русский бакунист*, знаменитый впоследствии революционер и писатель Кравчинский-Степняк.

Группа заговорщиков решила поднять крестьянское восстание хотя бы на несколько дней, чтобы путем «пропаганды фактами» показать, как можно существовать без государства, по-анархически. Им удалось побывать в нескольких деревнях, где они произносили революционные речи, сжигали архивы и всякие юридические документы, нелюбимые крестьянами, предлагали делить землю. В некоторых местах наивные крестьяне поверили, что по всей Италии народ освободился и от начальства, и от помещиков, и от налогов, и встречали бакунистов с радостью. Но за ними по пя-

там шли войска, вся группа разбежалась и скрывалась в лесах, пока не была переловлена.

Вслед за этой последней попыткой анархического восстания собрался в Вервье, в Бельгии, последний конгресс анархического Интернационала.

Этот конгресс, на котором, впрочем, было всего 20 делегатов, замечателен тем, что на нем присутствовал (с совещательным голосом) тот, кому суждено было стать ближайшим духовным наследником Бакунина, руководителем и теоретиком новейшего европейского и русского анархизма — ныне здравствующий Петр Алексеевич *Крапоткин*. Конгресс высказался за организацию общественной собственности не в форме общей социализации ее, а в форме «*захвата общественного капитала рабочими группами*» и рекомендовал профессиональным союзам стремиться к этому захвату путем экспроприации капиталистов. Этим было положено идейное основание будущему анархо-синдикализму. По отношению к социалистам последний конгресс бакунистов высказался явно враждебно, заявив, что он «не делает никакого различия между разными политическими партиями, *называют ли они себя социалистическими или нет*; *все эти* партии, на его взгляд, безразлично *составляют реакционную массу*, и он считает своим долгом бороться со всеми ими».

Эта резолюция не помешала, впрочем, бакунистам принять участие, немедленно вслед за конгрессом в Вервье, в организованном социалистами разных стран международном социалистическом съезде в бельгийском городе Генте. На этом конгрессе были 42 делегата, представлявшие социалистические и анархические группы целого ряда стран, в том числе таких, которые в прежнем Интернационале вовсе не были представлены. Бакунистов было на конгрессе всего 11 человек (а общее число делегатов—42), в том числе и Крапоткин. При всем желании участников добиться

объединения выяснилась тотчас непримиримая противоположность между анархизмом и социализмом. Конгресс принял ряд социалистических резолюций, и бакунисты остались в полном одиночестве, растеряв значительную часть своих сторонников, перешедших к социализму, оторванные от масс и разочарованные в возможности применения анархической тактики в данный исторический момент.

Это привело к дальнейшему политическому и моральному разложению анархизма, к проповеди индивидуального террора, политического и экономического (убийство фабрикантов),—вместо революционного действия масс. Некоторые анархисты дошли даже до прославления чисто уголовных деяний, как формы борьбы с буржуазным обществом. Неудивительно, что при таких условиях в анархистские дела все больше вмешивались полицейские провокаторы, и одно время во Франции издавалась даже на средства полиции и под редакцией провокатора анархистская газета!*)

Поэтому когда летом 1881 г. несколько анархистских групп попытались снова созвать съезд в Лондоне, это не были уже больше остатки бакунинского Интернационала, а в большинстве анархистские группы новой формации, лишенные прежнего идейного багажа. И на ряду с повторением старых бакунинских мыслей о том, что «политическая борьба способна только повредить делу социализма, а *установление буржуазной республики может отсрочить социальную революцию на полвека*», мы встречаем на этом конгрессе заявление мексиканского делегата, что рабочих интересует только *самый раздел* богатств, а отнюдь не организация общества после раздела; встречаем проповедь ре-

---

*) Подробно об этом см. *Ю. Стеклов.* «Интернационал», ч. II, стр. 80—83. Из этой книги мы и заимствуем главные факты о последних бакунистах.

волюции при помощи бомб, а также прославление бродяг и уголовных преступников.

Все попытки чистых анархистов возродить международную организацию, сколько-нибудь связанную с массами, потерпели неудачу. Анархизм в Европе все более вырождался в ряд отдельных, индивидуальных террористических покушений, нередко организованных при тайном участии полицейских агентов.

Только с появлением—в 900-х годах—так называемого *революционного синдикализма*, отрицавшего политическую деятельность рабочего класса, но призывавшего к революционной деятельности профессиональные союзы и связанного с довольно широкими массами,—начинается *возрождение идей бакунизма* в Зап. Европе и Америке.

Огромную роль сыграли идеи Бакунина в развитии *русской* революционной интеллигенции. С самого начала 70-х годов, под влиянием отчасти непосредственного личного знакомства с Бакуниным за границей, а отчасти его сочинений, особенно книги «Государственность и анархия», появляется ряд русских революционеров-народников, проникнутых идеями Бакунина и пытающихся проводить их в жизнь. Все первые кружки интеллигенции, открывшие замечательную эпоху «хождения в народ», двинувшиеся в 1873 и 1874 гг. в деревню с верой в близость социальной революции, все они,—и кружок чайковцев *), и кружок Ковалика и Войнаральского, и «долгушинцы», и московский кружок Бардиной, Мышкина и рабочего Петра Алексеева,—все они исповедывали социально-политические взгляды Бакунина.

Были между ними мирные пропагандисты, были такие, которые шли в народ с особого рода *религиоз-*

*) По имени Чайковского, бывшего в конце 1918 г. во главе так называемого «архангельского правительства».

ным чувством, шли не столько *учить* его, сколько *учиться у него,* учиться простоте его жизни, страдать вместе с ним за грехи своих дворянских предков и страдать за него; были, наконец, и такие, которые с самого же начала пытались применять *бунтарскую тактику* Бакунина, считая, что каждый бунт, даже заведомо неудачный, служит прекрасной *революционной школой* для народа, озлобляя его против существующего строя и закаляя его в борьбе.

Но при всех различных взглядах на задачи и формы революционной работы в народе, все эти кружки первых народников были бакунистами в том смысле, что отрицали в корне *всякое государство*, ставили своей целью его разрушение и самым решительным образом отвергали, как буржуазную затею, всякую борьбу за политическую свободу и конституцию. Причину этой склонности к бакунизму отчасти следует искать в том разочаровании в буржуазной республике, которое вынесла русская интеллигентная молодежь из изучения французских революций 1848 и 1870—71 гг., которые обе закончились кровавым подавлением рабочих, а с другой стороны, анархические наклонности русской революционной молодежи объяснялись и самыми условиями русской жизни и истории.

Один из видных участников революционного движения того времени—Дебагорий-Мокриевич, сам ученик Бакунина, рассказывая в своих воспоминаниях, что огромное большинство русской учащейся молодежи в Цюрихе было на стороне Бакунина в его споре с Марксом и сочувствовало анархии, объясняет это следующим образом: «Может быть, это произошло от того, что нам, русским, успело надоесть государственное вмешательство, и в государстве мы видели скорее врага прогресса, чем пособника; а, может быть, потому, что мы не имели рейхстага, и некуда нам было посылать своих депутатов».

Вернее будет сказать, что наша революционная интеллигенция 70-х гг. потому с такой жадностью ухватилась за бакунизм, что сам бакунизм был в сущности лишь отражением и теоретическим выражением той вековой борьбы, которую вело русское крестьянство с закрепостившим его государством, а также той злобы, которую оно тогда питало к начавшему его эксплоатировать хищническому, кулацкому капитализму. Поэтому наше народничество всегда так смертельно боялось развития капитализма в России, не видя его революционного значения, а замечая лишь его отрицательные, разрушительные стороны. Нашим народникам казалось, что особенности русской народной жизни, деревенская община, артель и т. д.,—это зародыши самобытного русского социализма, который капитализмом может лишь быть разрушен. Народники верили, что наш крестьянин—инстинктивный социалист, социалист бессознательно для себя, и им остается лишь уяснить ему его собственные смутные социалистические чаяния, чтобы социальная революция совершилась.

Поэтому они с такой радостью приняли основную идею Бакунина о необходимости *одновременного* уничтожения государства и капитала. Поэтому они видели народного героя, вполне совмещавшегося с их понятием о социализме,—*в Стеньке Разине*, этом мужицком революционере, который выступил сразу и против свирепого самодержавного московского государства и против богачей—помещиков и купцов, который хотел установить «вольный казачий круг», нечто в роде бакунинской «федерации коммун».

Правда, при первых попытках нести свое учение в народ наши бакунисты испытали ряд разочарований. Оказалось, во-первых, что далеко не так легко «поднять любую деревню», как это думал Бакунин, что крестьяне в огромном большинстве недоверчивы и пас-

сивны. А кроме того, согласно теории Бакунина, выходило, что чем крестьянин беднее, тем он революционнее, и потому, «идя в народ», молодые русские бакунисты наряжались батраками, чуть ли не в лохмотья. Но на деле они убедились, что в таком виде они не только не пользуются в деревне уважением, но что их боятся даже пустить в избу. Они убедились, что в крестьянах очень крепки инстинкты и чувства *собственников*, что их легко возбудить против помещика, но чрезвычайно трудно убедить в необходимости и пользе *общей собственности*.

Однако, это не остановило революционной пропаганды народников. Они лишь изменили тактику. Не веря больше в возможность немедленной социальной революции, они пытались поднять отдельные, хотя бы небольшие крестьянские бунты на почве *местных* нужд, местного недовольства и озлобления и сами назвали эту тактику *«вспышкопускательством»*. При этом некоторые из них допускали совершенно авантюристские приемы, напоминающие уже не только Бакунина, но самого Нечаева. Такова история знаменитого «чигиринского бунта» в Черниговской губ., когда Дейч и Стефанович подняли крестьян при помощи подложного царского манифеста, в котором царь будто бы тайно подстрекал крестьян против помещиков. Отчасти под влиянием взглядов Бакунина на славянский вопрос, многие революционеры 70-х гг. пошли добровольцами на войну с Турцией, когда в 1876 г. вспыхнуло на Балканском полуострове восстание славян, подавшее русскому правительству повод объявить Турции войну.

Бакунистской была и программа самого сильного революционного общества конца 70-х гг., известного под названием «Земля и Воля», в состав которого входил целый ряд крупных революционеров. Бакунистами были вначале и будущие основатели русской

социалдемократии Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич. Они оставались бакунистами, образовав группу «черного передела», до самого начала 80-х гг., когда большинство их прежних товарищей по «Земле и Воле» уже основали партию «Народной воли» и вели *политическую борьбу* с русским правительством, борьбу за конституцию, за политическую свободу.

Аксельрод в издававшемся за границей анархическом журнале «Община» в 1878 г. резко критиковал деятельность германской социал-демократии за ее «соглашательство», за отказ от революционной тактики, за ее веру в парламент и всеобщее избирательное право.

И только окончательное крушение надежд на близкую революцию в России, а также основательное знакомство с учением Маркса и историей европейского рабочего движения вызвали у Аксельрода, Плеханова, Засулич и Дейча поворот от анархизма к марксизму, как это раньше случилось с Жюлем Гедом и другими выдающимися европейскими социалистами.

В то время, как часть революционной интеллигенции в начале 80-х гг. разочаровалась в самом социализме и мечтала лишь о либеральных реформах, именно *бакунистское воспитание*, вера в революционную силу *масс*—на ряду с изучением Маркса—предохранили Плеханова с товарищами от этой наклонной плоскости. Только знакомство с Марксом и внимательное изучение, русской экономической жизни подсказали им, что эту революционную силу масс надо искать не в крестьянстве, а в нарождавшемся *городском промышленном пролетариате*, что «*революция в России победит, как движение рабочих*», или ее не будет вовсе.

При этом основатели русского марксизма имели уже пред собою опыт первых чисто рабочих революционных организаций в России. В самом деле, не простая случайность то обстоятельство, что среди поголов-

ного увлечения интеллигенции анархизмом кружки *первых сознательных рабочих* 70-х гг., освободившихся от влияния интеллигенции, а именно «Южно-русский рабочий союз» (1877 г.) в Одессе и «Северно-русский рабочий союз» (1878 г.) в Петербурге, во главе с рабочим Степаном Халтуриным, стали на совершенно иной путь. На ряду с борьбой за конечную цель— социализм они считали необходимым вести борьбу и *за политическую свободу*, как за предварительное условие успешной борьбы за социализм. Орган землевольцев, разбирая программу «Северно-русского рабочего союза», обвинял ее в *подражании германским социал-демократам*. В то время, как бакунистская интеллигенция признавала лишь принцип «все или ничего» и ждала крестьянской анархической революции, как древние христиане ожидали второго пришествия, немногие сознательные рабочие уже тогда понимали и чувствовали, что для борьбы за их рабочие идеалы необходимо прежде всего изменить политический строй. Первая марксистская брошюра Плеханова так и была озаглавлена «Социализм и политическая борьба».

Тем не менее, как мы видели, хотя и косвенным образом, но все же некоторую роль в зарождении русской социал-демократии сыграли и идеи Бакунина. Но в чистом своем виде бакунизм после того исчезает в России на целых два десятилетия и возрождается лишь в начале XX века среди некоторых элементов партии социалистов-революционеров, главным образом под влиянием начавшихся массовых крестьянских волнений. Особенно яркую форму получает отражение бакунизма в выделившейся из партии с.-р. группе *максималистов*, действовавших в 1905—7 гг. и усвоивших очень многие положения Бакунина.

Вместе с тем в годы первой революции переносится в Россию и новейший европейский анархизм, это глав-

ное детище Бакунина и его ученика Крапоткина, и встречает в России весьма благоприятную почву, доходя даже до таких крайностей, что приводит в удивление самих европейских анархистов *).

Но в этих крайностях, явившихся специальным продуктом русской жизни, меньше всего был повинен тот, кто был теоретическим посредником между старым анархизмом Бакунина и новейшим европейским и русским анархизмом—*Петр Алексеевич Крапоткин*, который в истории анархических учений вполне заслуживает того, чтобы занять второе после Бакунина место.

Во многих отношениях Крапоткин являлся полной противоположностью Бакунину, хотя вышел из одной с ним среды и стремился к той же цели, что и Бакунин, и, как он же, раньше сделался известным широким массам Европы, чем России.

Аристократ по рождению и воспитанию, офицер по службе, П. А. Крапоткин, в противоположность Бакунину, еще в молодости увлекался не туманной идеалистической философией, а естественными науками, главным образом географией, которая у него, как у его друга и единомышленника, знаменитого французского анархиста Э. Реклю, сделалась любимой наукой.

Далее, в то время, как Бакунина толкнул на путь революционной деятельности его инстинкт борца, а вовсе не философские взгляды, в то время, как в его жизни моральные вопросы не играли большой роли, и для него, наоборот, нередко цель оправдывала средства,—Крапоткин стал деятельным, активным социалистом, а впоследствии и анархистом под влиянием своих научных взглядов и особенно высоко развитого *нравственного чувства, чувства долга*. Примкнув в

---

*) Подробно см. об этом движении мою брошюру: «*Анархисты, максималисты и махаевцы*». Изд. «Книга», Петербург. 1917.

самом начале 70-х годов к кружку чайковцев, Крапоткин был тогда уже вполне сложившимся человеком, и для него этот шаг явился результатом серьезной работы мысли. Самый кружок, по словам Крапоткина, «возник из желания противодействовать нечаевским способам деятельности», т.-е. ставил себе, главным образом, нравственные задачи, и это-то больше всего и привлекало Крапоткина.

Попав за границу после своего знаменитого побега из тюремной больницы, Крапоткин, как мы уже знаем, примкнул к бакунинскому Интернационалу, а с 80-х годов сделался виднейшим теоретиком европейского анархизма.

Но и к анархизму Крапоткин подходил не так, как Бакунин. Для Бакунина самое важное в анархизме была его *отрицательная, разрушительная* сторона, а о будущем строительстве он мало заботился; Крапоткин, наоборот, очень много внимания посвящал будущему *творчеству*, свободному сотрудничеству людей в избавленном от государственной власти обществе. Элементы, зачатки этого свободного сотрудничества он видел уже в теперешнем обществе; он считал именно сотрудничество, а не борьбу главным законом общества и доказывал его существование даже у животных. Человек по природе добр, и если бы ему удалось избавиться от насилия государства, он устроился бы наилучшим образом.

Таким образом, в насилии и разрушении Крапоткин видел лишь неизбежное зло и с удовольствием отмечал все те факты в развитии цивилизованного человечества, которые, по его мнению, свидетельствовали о мирном прогрессе анархических идей и форм жизни. Поэтому он отрицательно относился к тем русским анархистам 1905—8 гг., которые доходили до «безмотивного» террора и «индивидуальных» экспроприаций,

т.-е. грабежа, которые отвергали всякие массовые рабочие организации.

Крапоткин написал множество книг и статей, важнейшие из которых собраны в его сборниках: *«Речи бунтовщика»* и *«Завоевание хлеба»*. Кроме того, им же написаны чрезвычайно интересные *«Воспоминания революционера»* и имеющая большую научную ценность история великой французской революции.

Мировая война 1914 г. совершила полный переворот во взглядах Крапоткина, как это случилось—увы!—со многими социалистами и анархистами. Ненависть к Германии, которая очень сильно сближала его с Бакуниным, и которую он питал всю свою жизнь, заставила его позабыть и анархизм и интернационализм. Он сделался пламенным патриотом тех самых «великих демократий» стран Согласия, которые он, в качестве анархиста, достаточно разоблачал в свое время. Мало того, когда началась в России революция, и Крапоткин вернулся на родину, он выступил решительно против гражданской войны и стоял за притупление классовой борьбы, за укрепление демократической республики, т.-е. из анархиста сделался простым демократом.

Так идеи Бакунина в тот самый момент, когда началась столь страстно ожидаемая им мировая социальная революция, превратились, в лице его самого выдающегося ученика и последователя П. А. Крапоткина, в свою собственную противоположность...

Важнейшая литература о Бакунине.

Сочинения Бакунина на франц. яз., в шести томах, изд. Гильома.

Сочинения Бакунина на русск. яз., изд. Балашова, Петерб. 1906 г. Вышло всего 2 тома, в том числе *«Государственность и анархия»*.

Отдельно изданы: *«Историческое развитие Интернационала»*, *«Бог и государство»*, *«Народное дело*. Романов, Пугачев или Пестель».

Письма Бакунина к Герцену и Огареву. Изд. 1907 г. 12 писем Бакунина, «Былое», 1907 г., июль.

Корнилов—«Молодые годы Бакунина». Петерб. 1912.

Биография Бакунина, написанная *Гильомом*, «Былое», 1906 г., август.

Воспоминания о Бакунине: *Т. Пассек*—«Из дальних лет». *Анненков*—«Замечательное десятилетие».

Герцен о Бакунине—в книге *Батуринского*—«Герцен, его друзья и знакомые». Петерб. 1904 г.

Воспоминания *Тучковой-Огаревой*, «Русская Старина», 1894 г, XI.

Воспоминан. *Мечникова*, «Историч. Вестник»,1897 г.

Воспоминания *Ге*, «Северн. Вестник», 1894.

Очень интересные воспоминания *Ралли*, «Минувшие годы», 1908, № 10, и сборник *«О минувшем»*, а так же *Баулер*, «Былое», 1907, июль.

О Бакунине и *русских бакунистах* много важных и интересных подробностей в книге *Богучарского* *«Активное народничество 70-х гг.»*.

Наконец, разбор и критику *взглядов* Бакунина и оценку его значения дает Ю. Стеклов в целом ряде книг и статей:

«Интернационал», ч. I и II.

«Маркс и Бакунин», в журнале «Просвещение» 1914, №№ 5 и 6.

«Социально-политич. воззрения Бакунина», «*Соврем. Мир*», 1914, №№ 2 и 3.

«Бакунин и франко-прусская война», «Голос Минувшего», 1915, № 5.

«Маркс и Анархизм», в сборнике «Памяти Маркса», Пет. 1908.

«Последние годы Бакунина», «Голос Минувшего», 1914.

Статья «*Бакунин*» в сборнике «*Борцы за социализм*».

ОГЛАВЛЕНИЕ.